

А. И. АЛДАН-СЕМЕНОВ

ПОХОД ЗА ПОСЛЕДНИМ «ТИГРОМ»

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

16 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1975

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

А.И.АЛДАН-СЕМЕНОВ

ПОХОД ЗА ПОСЛЕДНИМ «ТИГРОМ»

Об И. Я. Строе и С. С. Вострецове

Издательство политической литературы Москва • 1975

Алдан-Семенов А. И.

А45 Поход за последним «тигром». (Об И. Я. Строде и С. С. Вострецове). М., Политиздат, 1975.

112 с. (Герои Советской Родины).

В этой книге писатель А. И. Алдан-Семенов рассказывает об Иване Строде — герое гражданской войны в Якутии.

Еще это рассказ о человеке, чье имя, вспыхнув в первый год революции, уже не погаснет в историческом времени. Его звали Степаном Вострецовым он был солдатом революции, стал легендарным командиром ее полков.

В книге говорится и о последних «тиграх» белого движения в сумеречные часы их заката. Их место в истории гражданской войны определено степенью разрушительной ненависти и мерой крови народной, пролитой ими.

А $\frac{10604-166}{079(02)-75}$ 222—75

9(С)22

Глава первая

Говорят, продажный ум — погибший ум.

Изречение это раскрывает самую суть дутых репутаций, безнравственных поступков, фальшивого патриотизма, потаенные мысли политических авантюристов, характеризуя их на духовном закате так же, как капля воды характеризует океан.

Генерал Дитерихс — обрусевший потомок немецких баронов — легко делал свою военную карьеру. Ее оборвала Октябрьская революция. Но уже в середине восемнадцатого года он объявился в роли начальника штаба чехословацкого корпуса. А в начале девятнадцатого «верховный правитель Российского государства» адмирал Колчак поручил ему расследование по делу об убийстве царя. Дитерихс собрал огромное количество показаний, свидетельств, полицейских рапортов, в его руки попали кресты, иконы, хоругви, дароносицы, библии.

Колчак назначил Дитерихса командующим Сибирской армией, затем начальником верховного штаба, военным министром. Дитерихс сразу придал своей деятельности религиозный характер: с крестом на груди, с кольцом в кармане он называл себя «божьим мстителем». По его приказу воздвигались виселицы на площадях Омска и Челябинска. Из сибирских казаков Дитерихс формировал полки Иисуса Христа, Девы Марии, Ильи-пророка, земские рати и дружины.

Весной двадцатого года, после провала белого движения в Сибири и расстрела Колчака, генерал бежал в Харбин; у него были деньги и драгоценности, и на покое он засел за мемуары.

Однажды вечером лакей доложил Дитерихсу:

— Какой-то мужик к вашему превосходительству.

— Гони всех просителей в шею!

— Не торопитесь, ваше превосходительство, гнать старых друзей,— сказал грубый, твердый голос за спиной генерала.

Дитерихс повернулся к стоявшему в дверях высокому бородатому мужчине и заключил его в свои объятия.

— Пепеляев! Анатолий Николаевич! — Дитерихс усадил неожиданного гостя в кресло, посмотрел на него, моргая ресницами, потом притопнул на лакея: — Что стоишь чурбаном? Ванну, свежее белье, костюм его превосходительству.

Анатолий Пепеляев, посвежевший, помолодевший, вошел в столовую уже бодрой походкой.

— Давно ли в Харбине, почему раньше не заглянули? — допытывался Дитерихс.

— Заходить к вам гордость не позволяла, да и стыд мучил — вот, мол, до чего докатился сын томского золотопромышленника генерал-лейтенант Пепеляев. Чуть ли не милостыню просит на вокзальных лестницах, на церковных папертях. Я теперь готов пойти в кондотьеры к американцам, к японцам, даже к зулусам, лишь бы свести счеты с красными,— продолжал Пепеляев, глядя в длинное, изрытое морщинами лицо Дитерихса.— Продаюсь, но за хорошую цену.

— Продаюсь, предаюсь, зачем такие некрасивые слова? Есть более деликатные — долг перед отечеством, восстановление монархии хотя бы. Не могу при-

мириться с мыслью, что я — бывший аристократ, а вы — сын бывшего миллионера и бывший знаменитый генерал белой армии. Меня терзают воспоминания, но вспоминая, я размышляю о будущем. Если не спасли нас ни царская армия, ни республика Керенского, ни диктатура Колчака, на кого еще надеяться? — Дитерихс отщипнул от булочки, скатал двумя пальцами мячик, отхлебнул из чашечки кофе. — Русское православие да мужик с его верой, только они спасут, мужичью душу еще не отравили идейки большевизма, — он с нервным усилием разгладил морщины, лицо его просияло: — «И я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, которому имя «Смерть», и ад следовал за ним, и дана ему власть — умерщвлять и голодом и мором, и зверями земными», — в экстазе произнес он слова из Откровения святого Иоанна.

В харбинских садах играли военные оркестры, разгуливали женщины, толпились около них мужчины. Среди китайцев и японцев выделялись рослые русские офицеры с георгиевскими крестами на изношенных мундирах. Они все чего-то ждали, на что-то надеялись, все им казалось, придет кто-то, власть и силу имеющий, и снова позовет на освобождение земли русской.

Такой надеждой жил и генерал Пепеляев, мечтая о новом сибирском походе. Почему-то думалось, если он встанет во главе небольшого отряда, то отряд будет расти, словно снежный ком, что, измученные красными, сибиряки ждут не дождутся освободителей.

Генерал Пепеляев был ярым сторонником областничества — реакционного движения сибирской буржуазной интеллигенции. Либералы-интеллигенты и

молодые буржуа проповедовали отделение Сибири от России, мечтали о республике по образцу Соединенных Штатов Америки. Правда, Пепеляеву мерещилась особая мужицкая республика в Сибири с сохранением патриархального уклада жизни, жизнь сибирского кулачества Пепеляев считал идеалом.

Генерала тянуло во Владивосток, там под защитой японских войск правят братья Меркуловы, там каппелевцы, семеновцы, колчаковские офицеры, уцелевшие от разгрома. Под властью Меркуловых находятся еще огромные территории Чукотки, Камчатки, Колымы,— есть где развернуться смелому человеку.

Как-то вечером Дитерихс сказал, что японский генеральный консул Яманучи приглашает их на беседу. Пепеляев сбрил бороду, переоделся в генеральский мундир и стал прежним бравым молодцом.

В передней японского консульства пришлось снять сапоги и надеть матерчатые туфли, и пришлось кланяться, отвечая на поклоны консула Яманучи, неловко было и сидеть на бамбуковых татах перед низеньким столиком, поджав под себя ноги.

Пепеляев даже позавидовал Дитерихсу: старый аристократ был величав, спокоен, равнодушен, не замечал ни цветных фарфоровых тарелок с незнакомыми кушаньями, ни крошечных граненых бутылок с японской водкой-сакэ, ни деревянных палочек для еды, завернутых в прозрачную бумагу.

Яманучи, скуластый, с седым бобриком стриженных волос, был весь радушие, весь предупредительность, его сюсюкающий говорок слышался во всех углах зала.

— Вы, генерал, могли бы сами править Россией, а служили адмиралу Колсаку. Посему?

— Я присягал на верность верховному правителю,— ответил Дитерихс.

— Колсак был плохой селовек, не дружил с нами. Он присинил много вреда и русским, и японцам, и своим офисерам,— Яманучи выхватил из вазы с фруктами ножик, стал кромсать ананас.— Колсак резал всех, резал безразборсиво, пока самого не приконсили большевики...

— Это верно, власть адмирала была хлипкой и дряблой,— согласился Дитерихс.

— Генерал Тасибана от имени русского общества во Владивостоке приглашает вас взять в свои руки Приморский край. Против Меркуловых ополчились не только русские, но даже мы, японские офисеры,— сказал генеральный консул.

Сытое удовольствие проступило на длинном морщинистом лице Дитерихса: не кому-нибудь, а ему выпадает честь возродить великую, единую, неделимую Россию.

В начале августа в харбинскую квартиру Пепеляева позвонили. Генерал открыл дверь, на пороге стоял незнакомый старик в длинном пальто и шляпе.

— Куликовский, губернатор Якутской провинции,— отрекомендовался он.— Из Владивостока, от воеводы Приамурского земского края...

За рюмкой китайской водки Куликовский рассказал, как из Якутска пробирался таежными тропами в Охотск, потом плыл на японской шхуне до Владивостока.

— Спешил к приморским правителям братьям Меркуловым, а попал на Земский собор. Странно увидеть такое зрелище, как Земский собор, на краю русской земли,— говорил Куликовский, не гася смеющихся глаз.— Вообразите, генерал, театральный зал, переполненный толпой знатных и незнатных, именитых и никому не ведомых лиц. Эта толпа — увядший цвет русского дворянства и буржуа-

зии,— волею судьбы попавшая на берег Тихого океана. Там и аристократы, и гвардейские офицеры, и архиереи, и сибирские купцы, и казачьи атаманы, они собрались, чтобы восстановить на русском престоле династию Романовых. Военный оркестр играл «Боже, царя храни», мелькали наряды, звенели шпоры, блестели погоны, а небо над приморским городом напоминало влажный бархат театрального занавеса.

Земский собор провозгласил восстановление династии Романовых и предложил корону вдовствующей императрице Марии Федоровне. Но ежели, паче чаяния, она откажется, собор наметил в цари великого князя Николая Николаевича, а пока, до его приезда во Владивосток, избрал главой русского государства генерала Дитерихса.

Дитерихс на другой же день переименовал Приморское земство в Земский Приамурский край, себя объявил воеводой, из каппелевцев и семеновцев создал четыре земские рати. В Приамурье сейчас возникают священные дружины. Зачем возвращаться в допетровское время, не понимает никто, что это даст, никто не знает.

— Дитерихс и при адмирале Колчаке создавал полки Иисуса Христа да магометанские отряды. Возил с собой походную церковь, ее, к слову сказать, красные захватили где-то под Курганом. Дитерихс два батальона положил, но отбил у противника свои иконы,— сказал Пепеляев, а сам думал о причинах появления Куликовского в Харбине: «Ведь что-то же передал с ним Дитерихс?»

— Воевода подтвердил мое губернаторство, но посоветовал освободить Якутск от красных. Сказал: «Если в Якутии есть губернатор, то нужен и полководец, который освободил бы край». И назвал вас, генерал, и вот я в Харбине.

Все стало ясным. Гость еще не округлил своей речи, а Пепеляев уже был согласен, но приличия ради спросил:

— У меня нет доказательств, что в Якутии ненавидят большевиков.

— Вот доказательства,— Куликовский открыл саквояжик, выложил на стол пачки американских долларов и школьные тетради, исписанные чернильным карандашом. Деньги небрежно отодвинул на край стола, тетрадки подал генералу: — Это протоколы Нельканского совещания оленеводов, съезда русских, якутских и тунгусских поселений Якутии. Представители разных национальностей просят о помощи им в борьбе против большевизма.

Пепеляев просмотрел обращение к солдатам Красной Армии от совета народной обороны Якутской области.

«Братья красноармейцы!

Ведь вы сами знаете, что большинство ваших руководителей — не русские: их деды и отцы не проливали кровь за Россию, на костях их предков не создавалось наше величие. Вся эта интернациональная свора авантюристов не связана с русским народом, что для них русские традиции, культура, вера и хозяйство?

Они без всякого сожаления посылают вас, братья, истреблять русский народ. И во имя чего? Во имя удовлетворения своих буйных страстей! На такое предательство должен быть общий крик русских душ: руки прочь от опозоренной, раздавленной родины — России!

Мы же — вместо дружного протеста против произвола над русским народом — разделились на красных и белых и льем братскую кровь, чем дали возможность торжествовать над нами иностранным рожам...

Во имя счастливой родины мы зовем вас в наши ряды борцов за оскорбленный, униженный народ...»

Пепеляев отложил на край стола обращение, сказал с кислой усмешкой:

— Не слишком грамотно и не шибко убедительно. К тому же ни слова о защите интересов якутов и тунгусов. Скажите, кто входит в совет народной обороны Якутии?

— Подобрались люди солидные. Купцы Галибаров, Борисов, Филиппов, а командует армией повстанцев корнет Коробейников. Но он очень молод, у него нет опыта, нет военных знаний,— ответил Куликовский.

— У них есть политическая программа? — опять спросил Пепеляев, косясь на пачки ассигнаций.

— Кто же нынче не имеет программы! Мы создадим Якутскую республику с парламентарным образом правления, но она будет скреплена военной дисциплиной. Якутские поселения станут военными крепостями.

— Военные поселения насаждал в России еще Аракчеев,— рассмеялся Пепеляев.

— Умные идеи не стареют. Я убежден: республика без военной дисциплины — тело без позвоночника. Дитерихс обещал поддержать якутских повстанцев, если вы станете во главе их. Для начала он выдал вот это, здесь двадцать тысяч долларов. Я добавлю шестьдесят тысяч из губернаторского фонда, а представитель американской фирмы «Олаф Свенсон» — еще сто тысяч.

— Что это за фирма? Почему она заинтересована в нашем походе на Якутск? — спросил Пепеляев, подчеркивая слово «нашем».

— «Олаф Свенсон» вложила большие миллионы в русский север. Еще нам помогут компании «Гудзон Бей», фирма Холмса, охотские золотопро-

мышленники Бушуевы, Яныгины, якутские купцы Сивцевы. Их было шесть братьев, но двоих расстреляли красные, оставшиеся в живых объявили войну большевикам. Имя Сивцевых в тайге — золото, их слово — закон. Итак, во Владивостоке мы зафрахтуем несколько пароходов, командующий японскими оккупационными войсками генерал Тачибана даст боеприпасов, и мы выйдем в Охотск. Там на реке Кухтуе, в поселении Булгино, нас ожидает отряд Ивана Яныгина — это наши таежные вандейцы, — заключил Куликовский.

В особняке на привокзальной улице Харбина наступили шумные дни: то и дело хлопали двери, толпились офицеры, молодые дворяне, купеческие сынки, искатели приключений откликнулись на призыв Пепеляева принять участие в якутском походе.

Первым явился Анатолий Энгельгардт — смоленский дворянин, офицер Семеновского гвардейского полка, перебежавший к Колчаку из 5-й армии красных. Колчак произвел Энгельгардта в капитаны, он командовал егерским батальоном и пользовался в окружении верховного правителя славой бретера и бабника.

— Представьте мое состояние, господин гене'ал, когда я прочитал в газете ваше приглашение, — грассируя, заговорил Энгельгардт. — Это было состояние полного счастья, наконец-то, думал я, побил новый час служения отечеству.

Потом пришел полковник Андерс, мрачная слава сопутствовала этому невысокому человеку. Он расстреливал партизан в Барнауле, вешал рабочих в Красноярске, но невозможно было угадать в нем убийцу по безмятежным голубым глазам, по вежливой улыбке. В последние месяцы колчаковщины Ан-

дерс командовал карательным отрядом и крепко покнутобойничал на берегах Байкала. Вместе с каппелевцами он совершил ледовый поход из Красноярска до Харбина и жил с темной, тяжелой злобой, мечтая о возвращении в Сибирь.

— Полковник Андерс, георгиевский кавалер, награжден золотым оружием, имею Владимира с мечами,—представился он, снизу вверх глядя на рослого Пепеляева.

— Я слышен про вас, полковник. О вашей храбрости рассказывали чудеса.

— Были времена, прошли былинные,—скорбно вздохнул Андерс.—Отправлял большевиков к Адаму, а теперь впору самому собираться.

— Рано, полковник. Нас зовет обратно родная Сибирь.

— Вся надежда на этот зов, ваше превосходительство.

Последними к Пепеляеву явились генерал Ракитин и полковник Леонов. В девятнадцатом году Ракитин командовал дивизией в Сибирской армии Пепеляева и первым ворвался в Глазов, когда войска адмирала стремительно шли на Вятку.

Полковник Леонов, как и Пепеляев, родился в Сибири, а сибиряков генерал считал родственными душами, верил в их мужество и выносливость.

— На вас я могу положиться, как на самого себя,—сказал он Леонову.—В таких офицерах я нуждаюсь более, чем они во мне.

Воскресным вечером от перрона харбинского вокзала медленно отходил пассажирский поезд. Генерал Пепеляев с вагонной площадки махал широкополой шляпой ускользавшему вокзалу, освещенным улицам, потом меланхолично произнес, обращаясь к Харбину:

— Прощай, но если навсегда, то навсегда прощай!

— Благословляю вас на великий, на крестовый поход! Молюсь за успех и здоровье ваше и надеюсь на очищение Якутии от плевел диаволовых. Как шли когда-то рыцари на освобождение святого города Иерусалима и гроба господня, так и вы, мой генерал, и вы, мой губернатор, пройдете лесные дебри и снежные пустыни,— торжественно говорил Дитерихс, осеняя крестным знаменем Пепеляева и Куликовского.

В окнах кабинета густо синела бухта, подсвеченная оранжевыми полосами заката. Впаянный в воду, глазел на город жерлами дальнобойных орудий миноносец, над зданием штаба оккупационных войск поцелкивал японский, с восходящим солнцем флаг. Воевода, генерал, губернатор посидели минуту в полном молчании и встали: Дитерихс, усеянный от шеи до живота орденами, Пепеляев с георгиевским крестом, Куликовский с бело-зеленой ленточкой на лацкане черного костюма.

— Господа! — снова с чувством сказал Дитерихс.— Ко мне обращались представители японских и американских фирм, имеющих торговые интересы на русском севере. Они предлагали свою помощь, воспользуйтесь их обещаниями, возьмите все, что дадут. Особенно от японцев, ибо японцы самые надежные, самые верные наши союзники,— Дитерихс трижды поцеловал Пепеляева, потом Куликовского: — «Наступил час пробудиться нам ото сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился, итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света...»

Для офицеров добровольческой дружины был устроен прощальный банкет. От имени фирмы «Олаф Свенсон» ее представитель зачитал обращение к пепеляевцам:

— «На призыв якутского населения мы сочли своим долгом откликнуться организацией экономи-

ческой помощи. В осуществление этих задач наше общество посылает к берегам Камчатки и Якутии несколько торговых экспедиций, в том числе к устью реки Колымы, к берегам Охотского моря, на Олу, в Аян. Вероятно, уже прибыл корабль нашего общества «Мезатлан» с американскими товарами и продовольствием. Достопочтенный мистер Пепеляев! — продолжал представитель, — фирма «Олаф Свенсон» вменила мне в приятную обязанность вручить вам сто тысяч долларов, — он подал чек Пепеляеву.

Офицеры подвыпили, языки развязались, начался застольный разговор, а между полковником Андерсом и генералом Ракитиным вспыхнул спор.

— Кто командует войсками под Спасском? — спрашивал генерал.

— Не помню, кажется, какой-то кузнец Остряков...

— И маршал Мюрат был сыном конюха.

— Мюрат учился искусству побеждать у Бонапарта, а тот, как его, Остряков, у кого? У деда Вавилы хвататься за вилы?

— Настоящая фамилия того кузнеца Вострецов, а зовут Степаном. Не нравится мне, когда опасного и смелого противника делают трусом и дураком. А знаете ли вы, что этот кузнец награжден тремя Георгиями за храбрость? Нет? А известно ли вам, как он геройски показал себя в сражении за Челябинск? Тоже не слышали? Следует помнить — именно Вострецов ворвался в Омск и разоружил на вокзале несколько наших эшелонов. За все это я бы наградил Вострецова орденом Андрея Первозванного, а потом повесил бы, но храбрец остается храбрецом даже в смерти. «Лишь дело героя да речь мудреца проходят столетья, не зная конца», — внезапно проскандировал генерал с гимназических лет знакомые стихи.

Ревело Охотское море, северный ветер нес тучи. Было хмуро, печально; генерал Ракитин ходил по палубе, сердито думая о том, что, возможно, не придется ему увидеть приморские берега, услышать русскую речь. Уже девятый год проводил он в военных походах, наступлениях, отступлениях, приказывая убивать, сам убивая. А во имя чего эти убийства? Монархия погибла, буржуазная республика пала, Колчак казнен, белое движение угасает. «Почему я решился на якутский поход? Ведь наша экспедиция всего лишь кровавая фантастика! По правде говоря, я отправился из одного желания мести да от бессмыслицы своего существования. Куликовский утверждает, что якуты, тунгусы, чукчи всякие ждут не дождутся нашего появления. Так ли все это?».

Ракитин спустился в кают-компанию: там за утренним кофе Пепеляев и Куликовский о чем-то оживленно беседовали.

— Вот, кстати, и ты. Господин Куликовский высказал одну чрезвычайно важную мысль, и я сразу подумал о тебе,— сказал Пепеляев.

— Я предлагаю разделиться на две группы. Первая под командованием Анатолия Николаевича высаживается в Аяне и по старому Коммерческому тракту пойдет на Нелькан. Вторая же отправится в Охотск. Там действует отряд таежных вандейцев Ивана Яныгина, ежели к нему прибавить туземных охотников и рыбаков, наберется голов с тысячу, по якутским условиям — мощная сила. В Охотске предстоит объединить их в один отряд и, не теряя времени, поспешить на соединение с дружиной,— объяснил свою мысль Куликовский.

— Идея заслуживает внимания,— согласился Ракитин.— А кто возглавит охотский десант?

— Ты, мой генерал! Кому еще я могу доверить такое дело,— сказал Пепеляев.

В кают-компании постепенно разгоралось застолье, пришли Энгельгардт, Андерс, Леонов.

— Прошлым летом корнет Коробейников и я наголову разбили два красных отряда на Мае и Алдане, захватили сорок тысяч пудов провианта и первой-классной пушнины,— расхвастался Куликовский.

— А золотишка у к'аснюков не нашлось? — спросил Энгельгардт.

— Нашлось и оно. Тогда, помнится, мы расплачивались золотым песком, отмеряя его бокалами.

— Экая п'елесть!

— Тогда повстанцы-якуты уничтожили партизана Каландарашвили, он был страшным человеком и причинил много бед колчаковцам. Но головной эшелон партизан во главе с неким Стродом прорвался в Якутск.

— Строд, Строд,— повторил Пепеляев, вспоминая.— Слышал я о нем. Очень храбрый тип.

— Если он и сейчас в Якутске, я с удовольствием отправлю его на тот свет,— произнес Куликовский.

— Наша сме'ть неизбежна, но час ее неизвестен, и это утешает меня,— меланхолически заметил Энгельгардт.— Но не хотелось бы сгинуть в тайге от случайной пули косоглазого охотника.

— Белку или соболя они бьют только в глаз, чтобы шкурки не портить,— заметил Ракин.

— Нашей шкуры азиаты не пожалеют,— заговорил все время молчавший Андерс.

На траверсе Охотска группа офицеров и солдат перебралась на канонерскую лодку, среди них были Энгельгардт, Соболев, Михайловский.

Ракин распрощался с Пепеляевым и Куликовским, и суда разошлись. «Батарей» пошла в Охотск, «Защитник» взял курс на Аян.

Через два дня показался скалистый берег Аяна.

Не успело сгннуть эхо пароходного гудка в окрестных сопках, а к «Защитнику» уже спешили лодки, над факторией «Олаф Свенсон» взвился американский флаг. Из первой лодки, причалившей к «Защитнику», поднялся на борт юноша в длиннополой шинели с меховым воротником.

— Командующий армией повстанцев корнет Василий Коробейников,— представился он, но, увидев Куликовского, радостно взвизгнул: — Слава богу, дождались вашего возвращения, господин губернатор!

Корнет сообщил печальные новости. Его «армию» красные отряды разбили под Нельканом, всего осталось триста бойцов, которых он и привел в Аян. Еще столько же ушло на Охотск.

Причалили новые лодки с аянскими купцами, зверопромышленниками, тунгусами-оленеводами. Кают-компания переполнилась людом в меховых дохах, пыжиковых куртках, оленьих малицах, сразу запахло чесноком, листовым табаком, водочным перегаром, загремел ядреный таежный смех, пересыпанный черными словами.

— Что думают о нашем появлении туземцы? — спросил Пепеляев молчаливых, раскуривающих трубки тунгусов.

— Знает наша, куда пошла ваша. Камунисим — худой люди, воевать его надо,— держа у губ трубочку, пробормотал старый тунгус-зверобой.

— Весть о твоём походе на Нелькан летит, как ворон,— якутский купец-компрадор Сивцев подал Пепеляеву пакет с приклеенным к нему черным пером: — то кэпсе о твоём приходе. С получением кэпсе таежные жители будут с оружием выходить на тропу и присоединяться к тебе, генерал.

Не теряя времени, Пепеляев набросал воззвание к населению Якутской области.

«Настоящим заявляю, что сибирская добровольческая дружина пришла в область по призыву уполномоченных населения Якутской области, чтобы помочь народу в борьбе с коммунистической властью.

В настоящее время вся полнота власти в освобожденных районах Якутской области и Охотского побережья (гор. Охотск, порт Аян и Чумикан) принадлежит Якутскому народному управлению и управляющему провинцией П. А. Куликовскому, выдвинутому на этот пост якутской общественностью.

По освобождении города Якутска будет созвано Областное народное собрание на основах всеобщего, прямого равного и тайного голосования, перед которым оба учреждения сложат свои полномочия.

Это собрание выберет власть, которой подчинюсь и я со всеми руководимыми мною войсками. Генерал-лейтенант Пепеляев».

Рыжее солнце повисло над горизонтом, тускло мерцали проплешинами снега аянские сопки. Лиственницы, осыпав золотистые круги хвои, стали голыми и бесприютными, стланик волнами лег по распадкам, на юг спешили гусиные косяки, они шли третьи сутки подряд, без перерыва, и Пепеляеву стало казаться, что не будет конца этому перелету. Вместе с Коробейниковым он поднялся на береговую сопку.

— Что же нам теперь делать? — спрашивал корнет, зябко кутаясь в меховой воротник шинели.

— Идти на Нелькан, — отозвался Пепеляев, разглядывая тяжелые морские дали.

— Мне снова идти в тайгу? Невозможно!

— А все же придется, корнет.

— С солдатами, не знающими, что такое якутская зима? По таежному бездорожью сотни верст? Ведь шагать-то по местам совершенно необитаемым...

— По ним и пошагаем, раз нет другого пути, — задумчиво сказал Пепеляев.

— Я с вами не пойду,— со злой решимостью объявил Коробейников.

Пепеляев посмотрел на него тягучим презрительным взглядом:

— Уезжайте во Владивосток. Вы мне больше не нужны, корнет...

— Воля моя сломлена, и нет больше сил,— бормотал Коробейников, с трудом сдерживая ликование. У корнета были пуд золотого песка и несколько тюков пушнины, потому он и рвался во Владивосток.

Пепеляев идет на Якутск!

Тревожная эта новость наполняла город, как полые воды реку, ее передавали на улицах, на базаре, она волновала ревком, бойцов, комиссаров, охотников, оленеводов, рыбаков.

Новость разносила по тайге «торбазная почта» — кэпсе, она катилась по улусам, по наслегам на оленьих нартах, на собачьих упряжках.

Революционный комитет и Совнарком Якутии опубликовали особую декларацию по поводу вступления пепеляевских войск на территорию Якутии и призвали выступить трудящихся на защиту Советской власти.

«...Войска генерала Пепеляева представляют собой выгнанные из Приморья... остатки прежней колчаковской армии... всей приморской контрреволюции. Они — заклятые враги всех трудящихся масс и якутской нации... Борьба, которая предстоит с ними, есть борьба за жизнь или смерть якутской нации, борьба за существование автономной Якутии...»

Тайга немедленно откликнулась на призыв: охотники отдавали лошадей, рыбаки мороженую рыбу, оленеводы ездовых олешек, к Якутску потянулись обозы, груженные снедью, звериными шкурами, бо-

ровой дичью, шли добровольцы из таежных становищ, из охотничьих вежей. Среди добровольцев были и недавние повстанцы из «армии» Коробейникова.

Хмурым зимним утром в якутский ревком вошел пожилой якут. Он долго оббивал смерзшийся снег с торбазов, отряхивал задубелые малицу и малахай, потом открыл дверь в приемную командующего войсками Якутии. По усталому, обросшему лицу, прожженной малице, порванным торбазам было видно, что якут явился из тайги.

— Я проводник Джергэ из отряда командира Курашова,— сказал он молодому стройному человеку в форме красного командира.

Молодой человек шагнул навстречу якуту, порывисто пожал ему руку.

— Здравствуй, Джергэ! Садись к печке, вот чай — пей, вот табак — закуривай. Командующий много раз спрашивал о тебе. Хабар бар, Джергэ? — оживленно говорил командир. По твердому произношению в нем угадывался латыш.

— Бар хабар, но, однако худое кэпсе у меня для сэбиэской рэвиком.— Джергэ вынул из-за пазухи пакет с приклеенным к нему пером ворона: — Командир Курашов просил передать это кэпсе начальнику рэвикомы. Пепеляев-генерал захватил Нелькан, красные отступили на реку Маю, сам Курашов теперь на Алдане. В Аян пришел новый пароход с солдатами для Пепеляева-генерала.

В ревкоме зорко следили за продвижением пепеляевцев на Нелькан. «Торбазная почта» — кэпсе — с необычной быстротой разносила все важные новости, однако весть о захвате Нелькана и прибытии нового парохода с пепеляевцами в порт Аян еще не достигла Якутска.

— Пей, Джергэ, чай настоящий, таежный, а я доложу командующему,— командир взял пакет и по-

думал невольно: «Новости уже распространились по всему Якутску, не зря при кэпсе показывают перо ворона. А каково новое-то словечко? Сколько загадочного в этом «сэбиэскей»,—командир открыл дверь кабинета.

Командующий вооруженными силами Якутии Карл Некунде-Байкалов что-то торопливо писал, но при появлении командира положил карандаш.

— Что это у вас, товарищ Строд?

— Срочный пакет от Курашова.

Байкалов осторожно отделил перо ворона, извлек из пакета донесение начальника красного гарнизона в поселении Чурапча. Прочитал, сдвинул брови, остановил взгляд на изузоренном ледяными цветами окне:

— Генерал все-таки решился на свой поход, я ошибался, утверждая, что Пепеляев не рискнет. Без теплой одежды и запасов провианта—чистое безумие идти на Якутск.

— На то они и авантюристы. Им нельзя отсиживаться в Аяне, нельзя останавливаться на полпути,—сказал Строд.—Иначе не к чему было и огород городить.

Байкалов внимательно, как бы оценивающе посмотрел на Строда, ответил сурово и непреклонно:

— Ревком дает тебе, Ян, задание простое, но в то же время тяжелое—любыми средствами не пропустить Пепеляева в Якутск. Погибнуть, а не пропустить. В этом состоит цель твоего похода—она и твоя личная. Не сомневаюсь в твоей решимости и мужестве, но вдохни мужество и решимость в сердца бойцов,—Байкалов взял со стола лист, постучал по нему пальцем:—Я написал особое обращение к генералу Пепеляеву. Ревком предлагает ему прекратить поход, сложить оружие и гарантирует полную безопасность и неприкосновенность сдавшимся. В дру-

жине Пепеляева много простых русских людей, обманутых еще Колчаком. По вине генералов они очутились на чужбине, их можно остановить словом правды, не обязательно пулей. Прежде чем начать боевые действия против Пепеляева, ты должен вручить ему обращение. Есть подходящий парламентер?

— Как не быть, найдется. Хорошо бы послать местного жителя, якута. Генерал идет спасать якутов от большевизма, а якуты отвергают спасителей.

— Славная мысль! Возьми с собой Джергэ.

— Он только что совершил труднейший переход с Алдана,— заколебался Строд.

Байкалов вышел в приемную, где у печки наслаждался крепким чаем Джергэ, в морщинах плоского желтого лица тускнели капельки пота, тихое блаженство светилось в черных глазах.

— Хабар бар, Джергэ,— произнес якутское приветствие Байкалов и обнял проводника за плечи: — Спасибо тебе за важные новости, но у ревкома есть еще более важное поручение. Ты должен провести отряд Строда на реку Маю.

— Когда отряд уходит? — спросил Джергэ.

— Завтра, самое позднее послезавтра.

— Тогда я успею высушить свои торбаза...

Строд и Джергэ ушли, Байкалов остался один в маленьком пустынном домике. Постукивали настенные часы, окно снова зарастало куржавиной, словно белым мхом, с улицы доносились голоса бойцов, стук оленьих рогов, лошадиное ржанье: отряд Строда готовился в свой крестный путь в тайгу. Сколько их, молодых, веселых, не вернется обратно?

Байкалов стоял у окна, погруженный в тревожные раздумья. Он только что выступил на совместном заседании обкома партии и ревкома с докладом «Автономия Якутии и задачи РКП». Он говорил, что

«для осуществления и удержания пролетарской диктатуры в автономной Якутии, ввиду ее особых социально-хозяйственных условий, необходимо найти особые, соответствующие этому формы советского строительства». Говорил о том, что необходимо в кратчайшие сроки ликвидировать антисоветские мятежи.

Какие же причины вызвали эти мятежи в Якутии?

В марте 1921 года состоялся X съезд партии большевиков. Решения съезда по национальному вопросу получили извращенное, левацкое истолкование у руководителей Якутии. Они начали преждевременную ликвидацию кулаков и тойонов, принудительное кооперирование бедноты. Кулаки, тойоны, шаманы лишались своих земель, имущества, гражданских прав, высылались за Полярный круг, многих погнали на золотые прииски в верховья Лены. За произволом раскулачивания возник произвол с таежными коммунарами. Убогие хозяйства кочевников закрепляли на постоянном месте. Эта политика вызвала возмущение таежных жителей, по всей Якутии начались мятежи и восстания. Против Советов выступили якуты, тунгусы, к ним примкнули колчаковские офицеры, бежавшие из якутской тюрьмы, а также эсер Петр Куликовский. Он да еще корнет Коробейников возглавили повстанцев, захватили караван барж с продовольствием, увели их в Нелькан, что на реке Алдане. Повстанцам досталось почти все продовольствие и боеприпасы, которые предназначались Якутии на год. Одиннадцатого марта 1922 года военно-политическое совещание, созванное в Якутске, отстранило от должности секретаря Губкома партии Г. Лебедева, председателя губчека А. Агеева и председателя Ревтрибунала А. Козлова за левацкие перегибы.

Люди приходят в революцию разными, иногда неожиданными путями. Революция безжалостно ломает характеры, она же созидает новые, закаляя их в горниле классовых схваток.

Карл Некунде был сыном рабочего, стал большевиком в восемнадцать лет. Революция для него являлась таким же естественным состоянием, как дыхание.

Карл родился в семье латышского рабочего Карла Некунде. Его отец, мать, пять братьев вступили в партию большевиков задолго до революции. Вся семья занималась революционной деятельностью, распространяла листовки, звавшие народ на вооруженную борьбу против царизма. Летом 1906 года в стычке с полицией Карл был ранен, боевое крещение запомнилось навсегда.

Карла трижды арестовывали, держали в тюрьме, наконец сослали в Сибирь. Вся семья последовала за ним. Восемь лет отбывал он ссылку, работая то грузчиком, то забойщиком в каменноугольных копиях Черемхова.

Семья Некунде в семнадцатом году участвовала в установлении в Сибири власти Советов. Осенью восемнадцатого Карл с братьями создал партизанский отряд; скрываясь в прибрежных сопках Байкала, они нападали на колчаковцев и вскоре подчинили себе огромный район Баяндай. В память о Байкале Карл взял себе псевдоним Байкалов.

Партизанский отряд его сражался с колчаковцами на Ангаре, на Лене, особенно же отличился при разгроме корпусов генералов Сукина и Перхурова.

Весной двадцать первого года по рекомендации Сиббюро ЦК РКП(б) Карла Байкалова назначили начальником экспедиционного отряда Красной Армии в западной Монголии, там тогда бесчинствовали белые банды барона Унгерна и генерала Бакича.

После ряда малозначительных стычек с бандами есаула Кайгородова, атамана Казанцева красноармейцы встретились с казачьим корпусом генерала Бакича. Силы противника в двенадцать раз превосходили силы красных. При таком перевесе было безрассудно думать о сражении. Байкалов укрылся в монастыре Саруль-Гунь.

Монастырь этот находился в центре огромной котловины, окольцованной высокими голыми сопками. Здесь-то сорок четыре дня насмерть стоял Байкалов против белоказаков. И выстоял. Подоспевшие части красных отогнали Бакича от стен Саруль-Гуни.

Белоказаки рассеялись по степям, большая их часть сдалась в плен. Сам генерал, переодевшись монахом, с крестом на груди, с посохом в руке долго скрывался среди мирного населения. Бакича захватили партизаны, и помощник барона Унгерна был приговорен к расстрелу.

Байкалов вернулся в Иркутск.

Не успел отдышаться, как его назначили командующим вооруженными силами Якутской губернии и Северного края.

Весной двадцать второго года была образована Якутская автономная республика. Один из ее первых руководителей, якут Аммосов, телеграфировал Реввоенсовету: «Достигнут полный контакт в работе с Байкаловым. Находим Байкалова крупным политработником. Нами он вводится в состав областного бюро и состав ревкома республики».

Байкалов, не теряя времени, приступил к ликвидации повстанческого движения. Рядом сокрушительных ударов он уничтожил самые крупные отряды мятежников, а мелкие рассыпались, разбежались по тайге. Повстанческое движение стало быстро затухать. Главари его поняли: без иностранных держав и кадрового офицерского состава невозможно бороть-

ся с регулярными частями Красной Армии. И они обратились за помощью к американским, японским капиталистам, к генералам Дитерихсу и Пепеляеву...

Сумерки сгущались в углах кабинета, Байкалов зажег керосиновую лампу. Мохнатые тени отодвинулись к окнам, зато другие — властные тени воспоминаний — обступили командующего. Перед ним чередой вставали друзья и соратники, павшие за революцию, со многими из них он ходил в атаки, спал под одной шинелью у степных, у таежных костров. Снова как живой возник политкомиссар Широких-Полянский. Это был непоколебимый человек, но не признавал никаких предосторожностей, необходимых солдату.

Его смертельно ранил мятежник якут в схватке на таежной реке. Убийцу подвели к умирающему комиссару. Широких-Полянский с грустью посмотрел на якута и приказал:

— Накормите этого несчастного, отдайте ему мой кисет с табаком и отпустите домой.

Байкалов передернул плечами, вспоминая предсмертные слова друга. «Может, в этом вся наша сила. Мы побеждаем не только пулями, но и правдой своих идей. А идеи под пулями принимают четкие очертания».

Двенадцатого декабря 1922 года отряд Строда выступил из Якутска.

В морозном тумане потрескивали сосны, ухал лед, разламываясь на таежных речках, остро скрипел под полозьями нарт сухой снег. Пар от дыхания превращался в белый бисер, куржавиной покрывались бороды бойцов, олени морды.

Отряд Строда пробирался по таежной тропе, носившей громкое имя Охотского тракта. Дорога, нака-

танная под Якутском, исчезла, теперь лишь телеграфные столбы указывали направление.

Путь становился все непролазней, и Строд все чаще приказывал брать топоры. Бойцы прорубали просеку в чащах, снег засыпал их с головы до ног, животных приходилось выволакивать из сугробов. Особенную опасность представляли наледи: вода, выступавшая из-под льда, шипя и дымясь, разливалась на многие версты и тут же замерзала. Нельзя было оступить в эту страшную воду, пришлось бы разводить костры, спасая пострадавшего. На ночлег оставались, когда зажигались звезды, зеленоватые, словно волчьи глаза. Наступало сладостное время, бойцы, посмеиваясь, поругиваясь, рубили дрова, раздували костры, варили кашу с оленьим салом. Рядом, озаренные дымным огнем костров, копытили снег олени, добывая ягель. Строд в полудреме покачивался у костра. Несмотря на свою молодость, он имел богатую бурными событиями биографию.

Сын латыша и полячки, он родился в маленьком городке Люцине. Октябрьская революция застала его в городе Свободном на Амуре. Там он сошелся с политическими и военными деятелями Сибири. Когда русские контрреволюционеры и белочехи свергли власть Советов, Строд с группой работников Центросибири ушел в тайгу.

Белогвардейцы догнали большевиков в олекминских лесах и после пыток расстреляли. Спаслись лишь шесть человек, среди них был и Строд. Год просидел он в тюрьме, пока в Олекминске не произошел антиколчаковский переворот, восставшие избрали Строда своим командиром. С декабря девятнадцатого года по март двадцать второго он сражался с белыми на Лене, на Байкале. За отвагу, проявленную в бою, Строд был награжден орденом Красного Зна-

мени. В те дни он командовал кавалерийским эскадроном в отряде Нестора Каландарашвили.

Реввоенсовет 5-й армии назначил Каландарашвили командующим вооруженными силами Якутской губернии и Северного края, нужно было разгромить кулацко-тойонские мятежи, охватившие весь сибирский север. Каландарашвили сформировал в Иркутске два экспедиционных отряда, назначив Строда командиром головного эшелона.

В начале марта двадцать второго года Нестор Каландарашвили выступил со своими отрядами из Иркутска. Впереди шел эшелон Строда. Каландарашвили со штабом оторвался от головного эшелона. Этим воспользовались мятежники, устроили засаду на одной из протоков Лены, неподалеку от Якутска. Когда Каландарашвили проезжал по дороге между скалами, мятежники уничтожили его со всеми штабистами.

«Он был хитрым и смелым,— подумал Строд,— но анархизм наложил на его характер печать своеволия. После того как каппелевцы потребовали выдачи адмирала Колчака и русского золотого запаса, большевики решили защищать Иркутск и взялись за оружие. Отряд Каландарашвили занял позиции на правом берегу Ангары и должен был первым вступить в бой с каппелевцами. В ночь перед боем Нестор самовольно снялся с позиции, в самый опасный миг главный участок фронта оказался оголенным, и только по счастливому неведению каппелевцы не начали наступления. В ту ночь Иркутск был на краю гибели. Анархист в Несторе пересилил коммуниста. Ведь Каландарашвили вступил в нашу партию накануне боя с каппелевцами и не мог сразу отрешиться от анархистских замашек.

Когда каппелевцы узнали, что Колчак и его премьер-министр — брат генерала Пепеляева — рас-

стреляны, то отказались от штурма и пошли на Байкал. После ухода каппелевцев иркутский ревком собрался на экстренное заседание: оно было насыщено страстями и взаимными обвинениями. Члены ревкома бросали в лицо Каландарашвили резкие слова, председатель губчека напомнил о другом печальном инциденте, связанном с Каландарашвили. Ревком боялся не только атаки каппелевцев, но и выступления белочехов, и вот в то напряженное время кто-то из отряда Каландарашвили застрелил чешского офицера на главной улице Иркутска. Что поднялось среди чешских легионеров! Они устроили вооруженную демонстрацию, окружили броневидами здание ревкома, захватили сотню большевиков. Случайная искра могла зажечь кровавый пожар — и все это было последствием убийства чеха. Кое-как удалось урезонить чехов: они не выступили».

Строд подбросил сушняку в костер, пламя осветило спящих бойцов и зашипело, угасая в снегу.

«Председатель ревкома представил Каландарашвили слово,— продолжал вспоминать Строд.— Он вбежал на трибуну, высокий, статный, с большой седеющей бородой, черными волосами до самых плеч. За любовь к длинным волосам партизаны прозвали его «дедушкой», хотя ему шел пятидесятый год.

— Большое благодарение за прямодушную критику моих промашек. Если я погибну, не придется краснеть за мое поведение, если останусь жить, то буду счастлив счастьем народа...— Нестор выдернул из ножен саблю.

Все невольно вздрогнули от сверкнувшей стальной струи, а Нестор подбросил саблю вверх, с кошачьим изяществом поймал ее на кончики пальцев, поцеловал трижды клинок.

— Клянусь исполнять все приказы ревкома! — он кинул саблю в ножны, склонил голову, волосы заме-

тались, закрывая его лицо.— Если нарушу эту клятву, пусть любой член ревкома застрелит меня как преступника...

Эффектная эта сцена подействовала на всех членов ревкома, страсти улеглись, угрозы стихли.

Отряд колчаковцев в десять тысяч штыков под командой генералов Сукина и Перхурова, обойдя Иркутск, ушел на Лену. Генералы вели офицерские батальоны, казацьи сотни, остатки Ижевской дивизии, самой боеспособной из всех белых частей. Ревком решил послать в погоню за колчаковцами партизанскую дивизию Бурлова и отряд Каландарашвили. Вот там-то на Лене Нестор Александрович и показал себя по-геройски...»

Строд, словно на экране, увидел февральское утро двадцатого года. Партизаны Бурлова и Каландарашвили поджидали врага на берегу Лены, в лесной засаде.

Белые появились на узкой просеке, растянувшись в нескончаемую цепочку, впереди ехали забайкальские казаки, за ними шли ижевцы, беспечно переговариваясь, не подозревая опасности. Когда последний солдат сошел на лед Лены, партизаны открыли огонь.

Все перемешалось у белых: лошади давили солдат, сани переплетались оглоблями, вздыбливались живой стеной по скользкому льду, лед стал проламываться, унося в глубину людей и животных. Лена покрылась убитыми, покраснела от крови, колчаковцы бежали с верховьев к Байкалу, на пути их прикончили морозы и снежные бури.

Строд прилег на пихтовые ветки у костра. Костер прогорел, снова проступили крупные звезды, и душа Строда наполнилась белым безмолвием тайги. Лунные косяки стояли между соснами, в сиянии их казались выпуклыми следы человеческих ног, лошадиных

копыт. Разбрелись в поисках ягеля олени, завтра придется отыскивать их почти до полудня, но Строду не хотелось сейчас об этом думать.

Под замороженным солнцем Якутии два небольших отряда шли навстречу друг другу, чтобы начать кровопролитую схватку.

Ни командир красных Иван Строд, ни вожак белых Анатолий Пепеляев не знали еще, что Дальний Восток уже стал советским, а генерал Дитерихс — последний правитель Приморья — бежал в Японию.

Шестнадцатого декабря отряд Stroda вступил в таежную слободку Амгу. Начальник амгинского гарнизона рассказал Строду свежие новости о пепеляевской дружине.

— К нам перебежали два его офицера: Наха и Вычужанин. Рассказывают, что Пепеляев в Нелькане попал в тяжелое положение.

— Позовите перебежчика, — попросил Строд.

В избу вошел обросший бородой юноша.

— Кто вы такой? — спросил Строд.

— Подпоручик Первого Якутского партизанского отряда Вычужанин...

— У Пепеляева есть и партизаны?

— Никак нет! Он переименовал свои взводы и роты.

— Расскажите, пожалуйста, как удалось Пепеляеву захватить Нелькан?

— Мы шли к Нелькану двадцать дней, в пути съели весь провиант. Генерал надеялся взять в Нелькане красные пароходы, но мы вошли в пустой поселок. Съели бродивших по Нелькану собак и стали пухнуть от голода.

— А генерал Пепеляев смотрел на гибель своих товарищей?

— Генерал отыскал тунгусов и заставил снабжать нас олениной, а сам отправился в Аян. Недели через

две из Аяна прибыл транспорт с провиантом, а также отряд генерала Вишневого.

— Этот откуда взялся?

— Из Владивостока, прибыл на пароходе «Томск». Единомышленник Пепеляева.

Строд продолжал допрос, его интересовало не только число штыков в дружине Пепеляева, но и боевой дух, и политическое настроение, и взаимные отношения офицеров, и как обращаются они с рядовыми. Допрашивая, Строд пытался представить себя не только дружинником, но и в роли самого Пепеляева, как и что должен предпринимать этот, недюжинного ума, генерал в таких исключительных обстоятельствах, чрезвычайно занимало Строда.

— У Пепеляева теперь два пути на Якутск: через Амгу и поселок Петропавловский. По какому пути он может пойти?

— В Петропавловском ваши люди, и генерал может послать на них Вишневого, а сам пойдет на Амгу,— пояснил Вычужанин.

— Вы были в Амге?

— Немного не дошел, ночевал в Сасыл-Сысы.

— Что такое Сасыл-Сысы, Джергэ? — обернулся к своему проводнику Строд.

— Лисья Поляна. Там, однако, живет мой приятель.

— Лисья Поляна! Что за название, так и дышит тайгой.

Ни Строд, ни Джергэ, ни красноармейцы не знали, каким ужасом обернется для них маленькая поляна на берегу безымянного озера.

Строд и начальник гарнизона Суторохин созвали военный совет. После долгих споров было решено послать на реку Милю небольшую экспедицию. Если экспедиции удастся вступить в мирные переговоры с Пепеляевым, то следует приложить все усилия для

бескровной ликвидации генеральской авантюры. Если нет, экспедиция возвращается в Амгу.

Строд стал спешно готовиться к выступлению, до реки Мили было двести верст, без продуктов, фуража, боеприпасов идти совершенно бессмысленно. Строд приказал сушить сухари, шить палатки, делать походные печки. Накануне ухода красноармейцы обратились к генералу Пепеляеву с письмом. Начиналось оно словами:

«Генерал Пепеляев!..

Общее собрание частей Красной Армии и граждан слободы Амги обращается к вам с настоящим открытым письмом.

До последнего времени мы не придавали особого значения разным нелепым слухам. Нам не хотелось верить, что в недалеком будущем возможно какое-нибудь новое покушение на власть Советов со стороны ее врагов. Нам казалось невероятной и бессмысленной какая бы то ни была очередная авантюра со стороны жестоко разбитой и растоптанной сапогом пролетариата сибирской контрреволюции всех оттенков и направлений...

Разве можно, проиграв генеральное сражение, теперь жалкими частными атаками, с кучкой оголтелых людей восстановить разбитый вдребезги колчаковский фронт?

Никогда, генерал! Забудьте об этом думать! Еще будучи в Харбине, вы оттуда из полосы отчуждения, увидели на далеком севере яркую звезду и решили, что эта ваша звезда — звезда будущих кровавых побед и громкой славы. И вот к вам в Харбин явились волхвы в лице Петра Куликовского, старого, выжившего из ума эсера и двух якутских купцов. Это вскружило вам голову, вы поверили их бреду, решили двинуться походом на Якутию, и даже встреча в порту Аяна с Васькой Коробейниковым не образумила вас...

Мы отлично понимаем вас и открыто говорим: «Жестоко ошибаетесь в расчетах, генерал Пепеляев». Звезда загорелась над Якутией, и эта звезда коммуны, сияющая над автономией, ничего хорошего вам не обещает.

Вся ваша авантюра построена на песке, и вас вместе с вашей дружиной ожидает конец Колчака. Начнете вы за здоровье, а кончите за упокой...»

Двадцать четвертого декабря Строд выступил на реку Милю, кроме Джергэ его сопровождал охотник Ефремов, хорошо знавший таежные тропы.

Опять начались переходы по чащобам, с ночлегом под зимними звездами, у костров. Строд — большой охотник до всяких историй — слушал ночь напролет то рассказы проводников, то желчные истории подпоручика Вычужанина.

Подпоручик, больше опьяневший от пищи и усталости, чем от глотка спирта, рисовал словесные портреты своих бывших приятелей — пепеляевских офицеров. Он рассказывал скабрзные вещи о любовных похождениях капитана Энгельгардта, двуличном характере полковника Леонова, начальника штаба всей дружины, о жестокости полковника Андерса.

— Полковник Леонов и Георгия даст, и на шею удавку накинёт. У него кожаный пояс с золотыми монетами, кобура вместо кольца ассигнациями набита. А полковник Андерс весь в одном слове — зверь! Помнится, пьяный Андерс детишек допрашивал: «Вы большевики, сукины дети?» — «Большевики, ваше благородие!» — «Красные шпионы вы...» — «Шпионы, ваше благородие!» — «Отправить этих большевичков к Адаму...»

— Вы не врете? Вы это взаправду? — строго спросил Строд.

— Голая и святая правда! — перекрестился Вычужанин.

У ночного костра слушал Строд и рассказы охотников о таежных обычаях, о поверьях, о коварстве злых духов. Проводник Джергэ рассказал о кэпсе, и Строд понял, почему новости распространяются по тайге с быстротой пожара.

Всякую новость первый услышавший ее якут спешит передать другому. Он садится на коня ли, на оленя ли и спешит, иногда за сто верст, к ближайшему соседу. Время года, метель, мороз, распутица не являются препятствием для передачи кэпсе. Доброхотного вестника новостей встречают как желанного гостя, но в юрту гонец входит не торопясь, раздевается не спеша, а хозяева терпеливо ждут, соблюдая обычай. Гонец же греет озябшие руки над камельком и, бросив одно-два приветственных слова, смолкает, словно у него нет никаких новостей. В юрту набивается народ, самый старый охотник спрашивает:

— Кэпсе бар? (Новости есть?)

— Сох, эн кэпсе. (Ничего нет, ты сказывай),— отвечает приезжий, и опять все смолкают.

Собравшиеся начинают ухаживать за вестником кэпсе, набивают табаком трубку, подают уголек для прикуривания, потчуют крепким чаем. Напившись чаю, плотно поев, раскурив трубку из верескового корня, гонец выкладывает новости. Его слушают, затаив дыхание, лишь изредка роняя:

— Сеп, сеп! (Так, так!)

Но вот все новости рассказаны. Не медля ни минуты, кто-нибудь из слушавших одевается и покидает юрту. Теперь уже ему мчатся к ближайшему соседу с исключительной новостью.

— Если я пошлю кэпсе к генералу Пепеляеву, когда он получит новость? — спросил Строд.

— На двести верст уйдет двое суток. Только такое кэпсе надо посылать с пером ворона,— ответил Джергэ.

— А для чего перо ворона?

— Тогда кэпсе полетит как птица, не задерживаясь на ночлег.

Ранним утром, когда по дебрям еще клубилась морозная мгла, отряд готовился к новому переходу. Красноармейцы умывались снегом, чтобы не чувствовать мороза, повара варили кашу, кипятили чай, проводники разыскивали оленей, в поисках ягеля разбредшихся по тайге.

Наконец отряд снимался с ночлега, и снова резко скрипели нарты, хоркали олени, стучали мерзлыми валенками красноармейцы.

Впереди ехал старый проводник Ефремов, за ним шел Джергэ, он не бывал в этих местах и посоветовал Строду полностью положиться на Ефремова.

На шестые сутки отряд достиг болотистой, поросшей тальником местности Дарана. До устья реки Мили оставалось верст двадцать, но проводник сказал, что пора ночевать. Он долго и придиричиво выбирал место, потом объявил решительно:

— Здесь ягеля нет, худо будет олешкам. Айда дальше, хорошее место для ночлега вспомнил, сапсем близко, юрта бар, сено бар. К юрте разведчиков пошли, начальник, там плохой люди есть...

— Ты что! Шестой день живой души не видели, откуда тут люди?

Сомнения Строда разделяли и бойцы: не хотелось снова пробираться по глубокому снегу, но проводник настаивал на своем:

— Смотри, я с елки клок малицы снял, окурочек поднял под березой. Кто шел, кто курил на тропе вчерашним днем? — строго спрашивал он.

— Ты же говоришь, юрта рядом. Хозяин юрты и ходил, и курил.

— Э, нет, однако! Хозяин прошлым летом помер. Через час отряд подошел к одинокой юрте, стояв-

шей на лугу. Кто-то из бойцов заметил шест с привязанным к нему свертком. Заинтересованный Строд развернул сверток, в нем оказалось воззвание Петра Куликовского ко всем красноармейцам: «Мы с вами — дети великой России — одному богу молимся. Бросим делиться на красных и белых, и вместе, под нашим бело-зеленым знаменем, пойдем в Сибирь. Наша политическая программа — вот она: интернационализму мы противопоставим горячую любовь к народу и России, безбожью — веру в бога, партийной диктатуре — власть всего народа...»

Воззвание «губернатора Якутской провинции» вызвало общий веселый смех, но и насторожило. «Пепеляев близко. Он может появиться в любой час, надо быть бдительным», — думал Строд, укладываясь спать.

— Этот Куликовский как очутился в Якутии? — спросил Строд у перебежчика.

— Я слышал, что за убийство графа Шувалова — московского градоначальника — его приговорили к смертной казни, но царь помиловал и сослал в Якутск. Куликовский стал идейным вдохновителем якутских мятежников, променял свои прежние революционные дела на подлое право вешать и расстреливать революционеров, — объяснил Вычужанин.

Утром Строд послал двух якутов в устье Мили разведать, где теперь пепеляевцы. Едва разведчики ушли, к юрте подъехал всадник, его захватили и притащили к Строду. Пленный сказал, что ездил с воззваниями генерала Пепеляева по амгинским улусам, о том, что в Даране красные, не знал. В устье Мили прибыл первый отряд пепеляевцев под командой полковника Сурова. Сам Пепеляев получил подкрепление из Охотска, продовольствие из Аяна и выступил из Нелькана. Пепеляева не остановят никакие препятствия, он пойдет на Якутск во что бы то ни стало.

— Ваш отряд ему не страшен,— самоуверенно сказал пленный.— У него сил впятеро больше, и, сами понимаете, Пепеляев разобьет вас в первом же бою...

Наступил вечер, а разведчики не возвратились. Прошла еще ночь, разведчиков не было. Строд простоял двое суток в напрасном ожидании. На третьи сутки патрули обнаружили следы лыжников: пепеляевцы пытались угнать оленей Строда. Стало ясно, разведчики попали в плен к полковнику Сурову, оставаться дальше в Даране было опасно и бесполезно.

Двенадцатого января нового, двадцать третьего года Строд вернулся в Амгу. Здесь узнал он о трагическом положении отряда Дмитриева, стоявшего в поселке Петропавловском.

— Пепеляевцы разгромили на речке Ноторе роту красноармейцев из Петропавловского, — говорил начальник амгинского гарнизона Суторихин.

— Вы послали донесение в Якутск? — спросил Строд.

— Уже десять дней, как отправили нарочного. Жду ответа с минуты на минуту.

— Что сейчас творится в Петропавловском?

Суторихин ничего не знал. Строд нахмурился:

— Не понимаю такой беспечности. Может быть, в Петропавловском и в живых-то никого нет, а вы ждете известей. Странно, не понимаю.

По требованию Строда амгинский гарнизон стал готовиться к обороне: воздвигались валы из замороженных навозных плит — балбах, рылись окопы, подвозились дрова, олени и лошади собирались в один большой загон.

Поздним январским утром Суторихин прибежал к Строду.

— Из Якутска нарочный с пакетом для вас...

Строд торопливо распечатал пакет, прочитал приказ Байкалова — немедленно выступить на Пет-

ропавловский, сменить командира отряда Дмитриева и защищать поселок от пепеляевцев. В случае невозможности обороны действовать по своему усмотрению.

Вечером того же дня Строд со своим отрядом снова выступил в путь. Через двадцать верст от Амги отряд вышел из леса. Перед ним раскинулась печальная долина у большого безымянного озера; в желтом лунном свете от нее веяло тоской и безысходностью.

— Вот это Сасыл-Сысы,— сказал проводник Джергэ.

— Лисья Поляна! — перевел на русский якутское название Строд, и сердце его сжалось от предчувствия близкой, страшной своей близостью опасности.

Четвертого февраля Строд подошел к Петропавловскому, он долго бродил по ночному пустынному наслегу, заглядывал в избы, в которых, по-домашнему раздевшись, спали бойцы. Спал и сам Дмитриев, укрывшись с головой одеялом. Строд в гневе сорвал с него одеяло.

— Такая беспечность преступна! — кричал он в бешенстве.

В мрачном расположении духа выслушал Строд сообщение Дмитриева о положении в Петропавловском.

Капитан Артемьев из «армии» Коробейникова нанес еще одно поражение гарнизону Петропавловского, разбив роту Овчинникова. Второе поражение подорвало моральный дух красноармейцев.

Строд осмотрел гарнизон, поражаясь беспечности его командира. Бойцы спали в нижнем белье, не стояли дозоры, не посылались разъезды, гарнизон охраняли только два караула, хотя в ста саженьях шумела тайга и можно было незаметно подойти к Петропавловскому.

Строд собрал командиров для совета: Дмитриев должен уйти в Амгу, остающимся предстояли активные действия против капитана Артемьева. Командиры сошлись в большой избе, по бревенчатым стенам было развешано оружие, мильсовские гранаты, словно подгнившие плоды, валялись в углу, у печки стоял на санках пулемет. Рядом со Стродом сидел Дмитриев, свежий, веселый от сознания, что с него снята ответственность за отряд, был он уже весь на обратном пути в Амгу.

Командир эскадрона Иннокентий Адамский вертел кудлатой головой, ловя каждое слово Строда. Пулеметчик Шура прислонился к плечу фельдшера Капралова и не сводил ясных глаз с иконы Николая-Угодника, а его приятель, фельдшер, сложив на груди руки, устало подремывал, но как только Строд сказал, что раненых пепеляевцев тоже придется лечить, как и своих бойцов, открыл глаза. Военком Кропачев нахмурился.

Что это за люди? Как поведут они себя в минуту опасности? За пулеметом? В рукопашной схватке? В плену, на допросе?

— Что вы знаете о капитане Артемьеве? — спросил Строд.

— У него есть пулеметы, — бойко ответил Дмитриев.

— Я спрашиваю о самом капитане. Совершенно ничего? Джергэ позови перебежчика.

— Что такое капитан Артемьев? — спросил Строд у Вычужанина.

— Есть бессмысленно жестокие люди, так он из их числа. Пленных не милует, но и сам пощады не просит, драться станет до последнего патрона, — ответил подпоручик.

Командиры разошлись по своим местам, в избе остались Строд, Кропачев, фельдшер Капралов.

Дверь распахнулась, в облаке морозного пара влетел Дмитриев.

— Беда, беда! — прорыдал он. — Пепеляев захватил Амгу. Амгинский гарнизон уничтожен.

— Да ты рехнулся! — воскликнул Строд.

— Они всю правду расскажут, — показал Дмитриев на красноармейцев.

Строд повернулся к двум вошедшим бойцам, но даже он, часто попадавший в таежные передраги, почувствовал себя не в своей тарелке. Бойцы с почерневшими от обморожения физиономиями, в прожженных шинелях, худых валенках едва передвигались от изнурения. Они повторили то, что сообщил Дмитриев.

— Нужно спутать планы Пепеляева. Возвращаясь в Амгу и, если генерал уже выступил на Якутск, станем его преследовать, — решил Строд.

Начались спешные сборы. Как ни прикидывал Строд, но все запасы на складах Петропавловского взять с собой оказалось невозможным, пришлось тысячи пулеметных лент утопить в Алдане, якутам раздать муку, чай, порох, дробь.

Пять дней с короткими привалами вел Строд обратно свой отряд, до Амги осталось верст двадцать но теперь каждая верста таила опасность внезапного нападения. Строду было больно смотреть на красноармейцев: они обморозились, оборвались, почернели от копоти костров.

— Ночевать будем на Лисьей Поляне, начальник. Там юрты есть, там вода есть, — сказал Джергэ.

Вечером тайга расступилась, открывая унылую равнину с разбросанными по ней стогами сена, между стогами чернели юрты, слабые дымки курились над остроконечными крышами. Бойцы зашагали веселее, звонче защелкали копытами олени.

Тайга научила Строда быть осторожным. Перед

ночевкой он решил осмотреть Лисью Поляну: якутское название «Сасыл-Сысы» — со свистящими согласными — неприятно резало слух и почему-то настораживало.

С востока Лисья Поляна обрезалась сопкой, покрытой густым ельником, на западе соединялась с озером, с севера ее прикрывала березовая рощица, на юге она сливалась с тайгой. Обследовав Лисью Поляну, рассыпав дозоры, установив на узловых местах пулеметы, Строд вернулся в юрту.

Командиры, сомлев от жары, подобрев от вкусного мяса, задремали на оленьих шкурах.

Чадила коптилка, потрескивали дрова, куржавела от мороза юрта, разговоры угасали. У ледяного окна, положив голову на щиток, спал пулеметчик.

Светила легкая белая луна, туман напознал на озеро, закрывал сопку. Черной высокой стеной вставала тайга, из ее глубины донесся волчий вой, словно призыв, озлобленный и предостерегающий.

Потом все стихло.

— «Снял три поста часовых. Красные расположились в нескольких юртах. Из труб идет слабый дым, по-видимому, спят», — генерал Вишневский прочел донесение, сказал Андерсу:

— Пора начинать, брат полковник...

Андерс коротким шепотком отдал команду, продрогшие до костей добровольцы расправили плечи, отряхнулись от снега. Андерс вынул маузер, и первым, оступаясь в снегу, направился на Лисью Поляну. За ним беззвучно пошли офицеры.

Генерал Вишневский наконец-то дождался своего часа. Еще с вечера он стоял в засаде в двух верстах от Лисьей Поляны, и разведчики аккуратно доносили ему о приближении Строда. Генерал решил

напасть на красных перед рассветом, всю ночь держал он в напряжении своих дружинников. Все складывалось так, как хотелось Вишневному: красные часовые убиты бесшумно, Андерс приближается к юртам. Генерал взглянул на часы: бледные от фосфорического свечения стрелки показывали пятнадцать минут пятого.

Невидимые из-за тумана дружинники окружили юрты, но не заметили одинокую, стоявшую поодаль, в которой были Строд и его товарищи.

Офицеры входили в юрты, вздували камельки, собирали между спящими винтовки, кто-то обнаружил грудку мильсовских гранат, вынес и швырнул в сугроб, словно картофель. Офицеры стали будить красноармейцев, те приподнимали головы, зевали, потягивались.

— Не шевелись, болваны! — с жестяной холодностью в голосе скомандовал офицер.

В юрту вошел полковник Андерс, оглядел проснувшихся красноармейцев:

— Проспали свободу, голубчики! Кто тут командир?

Из-за печки вылез Дмитриев, встал перед Андерсом.

— Я — начальник штаба. Строда здесь нет.

— Где же он?

— А вот где! — Дмитриев ударом ноги опрокинул Андерса и выскочил из юрты, но на выходе столкнулся с другим офицером. Тот выстрелил.

От выстрела в юрте Строда проснулся пулеметчик, вышиб из окна льдину, ударил из «люиса» длинной очередью в ночь. Лисья Поляна заговорила зашумела, задвигалась, сухо защелкали выстрелы.

Всемогущий случай спас от разгрома отряд Строда, сознание воинского долга предупредило панику, но еще никто не понимал, что это сознание предо-

пределено всем логическим ходом событий в последние дни. Уже много дней скитались красноармейцы по снежным лесам севера, спали у костров, ели мерзлый хлеб, постоянно, напряженно ждали встречи с противником. Их даже по ночам не оставляло чувство опасности, они часто просыпались с криками: «Белые, белые! Бей офицеров!»

Было еще одно обстоятельство, подготовившее спасение на Лисьей Поляне,—ненависть к врагу. Красноармейцы так накалились ею, что поверили в необходимость ценою жизни не пропустить противника в Якутск. Победа или смерть — девиз древний, но для бойцов Строда он приобрел особое психологическое значение.

Победа означала спасение себя вместе с революцией, русской землей, утренними зорями, любимыми женщинами; смерть — конец не только для них, но и всему живому. Все это сделало красноармейцев хозяевами положения.

Но пепеляевцы продолжали владеть преимуществом внезапности, Вишневский сам повел их в атаку. Строд не видел их, но слышал прерывающееся дыхание, тяжелый шаг. Кто-то швырнул гранату в один из стогов, сено вспыхнуло, кровавый фонтан пламени раздвинул мглу. При неожиданном свете Строд увидел Капралова с гранатой в руке, потом черную цепь пепеляевцев. Строд оглянулся, ища пулеметчика, тот колдовал над своим «люисом», перекосило патрон, и пулеметчик зубами пытался выдернуть его из ленты. В спешке сломал зуб и хрипло дышал, выплевывая в снег кровавые сгустки.

— Сейчас, сейчас, подождите, я сейчас, — бормотал пулеметчик, но открыть огня не успел.

Пуля попала ему в плечо. Строд кинулся к пулемету, но Капралов опередил его. «Люис» в ловких

пальцах фельдшера заработал нервно и торопливо, пылающие стога хорошо освещали пепеляевцев.

— Так, так, так! — бессмысленно, с ненужной усмешкой повторял фельдшер.

— За мной! — прокричал Строд, ему показалось, он кричит изо всех сил, но почему-то не слышит своего голоса.

Что-то толкнуло в грудь, обдало жаром, он хотел бежать, ноги не повиновались, хотел выстрелить, маузер выпал из ладони. Строд покачивался, не сдвигаясь, вместе с ним раскачивались стога, туман, бойцы, рваные пятна взрывов, потом все искривилось и рассыпалось, Капралов подхватил его под руки, куда-то повел, он затряс головой, словно хотел вытряхнуть из нее горящую боль.

Строд во все глаза смотрел на странные оранжевые цветы, что поблескивали студеным сиянием. «Где я, что со мной?» — подумал он, любуясь цветами. Они померкли вовсе, и Строд увидел узорчатый лед, вставленный в черную раму окна.

В углах слоилась мгла, за оленьими шкурами слышалось скрипение снега, чьи-то негромкие голоса. Строд не мог понять, о чем говорят.

В юрту вошел фельдшер Капралов.

— Очнулся, Иван Яковлевич?

— Где мы? Что с нами?

— Сидим на Лисьей Поляне. Вы тяжело ранены.

— А где пепеляевцы?

— В тайге зализывают раны. Потеряли убитыми больше сотни человек.

— А сколько у нас?

— И мы потеряли многих...

— Нельзя ли поточнее, фельдшер?

— Пятьдесят пять человек потеряли мы.

— Еще одна такая победа — и мы погибли.

В юрту ввалился Дмитриев, его обросшая бородой физиономия заиндевела, иней окольцевал и воротник полушубка, в беспечных прежде глазах теперь затаилась тревога.

— Здравствуй, Иван! Хорошо, что оклемался. Генерал Пепеляев ультиматум прислал, — Дмитриев вынул из-за пазухи конверт.

Пепеляев — Строду

«Вы окружены со всех сторон Сибирской добровольческой дружиной и повстанческими отрядами. Сопротивление бесполезно. Во избежание напрасного кровопролития, исключительно в интересах сохранения жизни красноармейцев, предлагаю сдаться. Гарантирую жизнь всем красноармейцам, командирам и коммунистам».

— Не рано ли празднует победу генерал? Прежде чем ответить, я хочу осмотреть наше место. Дайте-ка доху, — попросил Строд.

Дмитриев и Капралов вывели его из юрты. Строд зажмурился от морозного солнца, снежного света, глубоко вдохнул настоящий на пихтовой смоле воздух. В глубоком небе плыли облака, под ними невозмутимо — темная на голубом фоне тайга. Строд горько подумал: «Природа равнодушна к страданиям и бедам своих детей и даже не заметила того, что здесь произошло вчера».

Строд — Пепеляеву

«Обсудив всесторонне ваше предложение о сдаче, вверенный мне отряд пришел к следующему заключению:

Вы бросили вызов всей Советской Сибири и России. Вас пригласили сюда купцы-спекулянты и пре-

датель эсер Куликовский. Народ не звал вас. С оружием в руках он встал на защиту Советской власти...

Сложить оружие отряд отказывается и предлагает вам сложить оружие и сдаться на милость Советской власти, судьба которой не может вершиться здесь. Ваша же авантюра закончится в Якутии.

Помните, что народ с нами, а не с генералами».

Строд перечитал ответ, подписал его, поставили свои подписи Дмитриев, как начальник штаба, и военком Кропачев.

— Это все, что можем сказать Пепеляеву. А теперь, пока он не начал новой атаки, надо воздвигнуть вокруг юрт ледяные валы, сложить во дворе провиант и боеприпасы. Раненых собрать ко мне в юрту, легче за ними ухаживать, — распорядился Строд. — Парламентером пойдет пулеметчик Пожидаев. Пусть говорит Пепеляеву все, что угодно о бедственном положении нашем, все равно тайны не выдаст. Пепеляев знает, что мы долго не продержимся.

Строд замолчал, собираясь с мыслями.

— Разъяренный генерал может поставить Пожидаева к стенке, — сказал Кропачев.

— Я не боюсь смерти. Пусть будет, что будет, — ответил Пожидаев.

Дружинники задержали Пожидаева на опушке и привели к полковнику Андерсу.

— Парламентер? С ответом? Завяжите ему глаза и тащите за мной.

В юрте, около железной печки, сидело пятеро офицеров, шестой стоял, заложив руки за спину. Был он в красной вязаной фуфайке, оленьих камбузах, черная курчавая борода придавала ему внушительный вид.

— Мне нужен генерал Пепеляев, — сказал Пожидаев.

— Я Пепеляев. Здравствуйте! Парламентер от Строда? Прекрасно! Вы коммунист? — спросил он Пожидаева.

— Я? Нет.

— Давно не видел живого коммуниста. А Строд?

— Строд? Не знаю.

— Правда ли, что он латыш?

— Говорили — да, а так ли — не скажу.

— Латыши упрямы разуму вопреки, но бывают обстоятельства, перед которыми упрямство становится глупым и вредным. Где ваше письмо?

Пожидаев передал пакет. Прежде чем вскрыть, Пепеляев похлопал им по ладони с апломбом военного, ожидающего весть о безоговорочной капитуляции противника. Прочел ответ, скривил губы в едкой усмешке:

— Братья офицеры! Строд предлагает сдаться на его милость...

Офицеры дружно рассмеялись.

— Ну и наглец этот Строд! Переговоры закончены, начинаются военные действия. Кстати, какой чин у вас?

— У красных нет чинов.

— Я и забыл. У нас ведь тоже отменено чинопочитание: «брат солдат да брат генерал» — вот как мы разговариваем друг с другом. А Строд рехнулся, так и передайте ему, — сказал Пепеляев. — Не надо завязывать парламентеру глаза, пусть видит, сколько у нас солдат и пулеметов.

Строд сидел на лавке; кутаясь в оленью малицу, было больно говорить и больно дышать, но сознание ответственности за бедственное положение отряда превозмогало боль.

— Пепеляев уверен в победе, но мы лишим его уверенности, — Строд прислонился к заиндевелой стенке юрты, проследил за солнечным лучиком, проникшим в пулевое отверстие в кожаном верху, лучики, словно бледные линии, разрезали темный воздух, передвигались по измученным лицам раненых.

— Следует немедленно оповестить о нашей трагедии командующего войсками, — сказал Кропачев.

— Напиши письмо Байкалову, отправь с ним в Якутск Алексея Вычужина, он не заблудится.

— Лучше послать двоих. Погибнет первый, дойдет второй.

— Хорошо. Пусть идут Вычужин и Мирушниченко, они — охотники, и лишь смерть помешает им добраться до Якутска, — согласился Строд.

Поздней ночью, прикрываясь туманом, Алексей Вычужин и Сергей Мирушниченко обошли стороной пепеляевцев и выбрались на Охотский тракт. Теперь только от их быстроты, выносливости и мужества зависела судьба красного отряда на Лисьей Поляне.

А Строд, полулежа на скамье, ожидал новой атаки. За тонкой стенкой скрипел снег, потрескивал мороз, раздавались шаги красноармейцев, но все эти звуки гасли в предостерегающей тишине.

— Почему так тихо? — удивился Кропачев. — Может, Пепеляев снял осаду?

— Хоть бы скорей они начинали! — простонал кто-то из раненых.

— Лучше ужасная смерть, чем ужас без конца...

Строд хотел возразить, но передумал, бывают положения, когда слова не имеют цены. Он приподнялся на локтях и своим движением разбудил военкома. Кропачев провел ладонью по заиндевелым волосам:

— Даже башка к юрте примерзла! Сегодня пепеляевцы из тайги и носа не высунут.

— А ты все же проверь караулы, — приказал Строд.

Кропачев оделся и вышел из юрты, за ним выскочил Капралов. Морозная завеса повисла над Лисьей Поляной, скрывая не только окопы, но и тайгу. Военком вздохнул и, словно обожженный, сплюнул, слюна звякнула ледышкой у его ног.

— Такой мороз якуты называют звездным шептанием, — вспомнил Капралов. — Дышать больно, а тут, словно на смех, шепот звезд.

— Скоро утро, но позабыл какого дня. Какое сегодня число? — спросил Кропачев.

К удивлению своему, Капралов тоже не помнил ни числа, ни дня.

— Вторая половина февраля, — неопределенно ответил он.

Морозную тишину разорвал резкий неприятный звук, потом еще и еще, из тумана появились человеческие фигуры. Часовые открыли пальбу, распахнулась дверь хотона, чьи-то руки выкатили пулемет.

Дружинники шли медленно, тяжело, проваливаясь в глубокий снег, их невольной медлительностью воспользовался Кропачев: пулеметы в упор стали расстреливать атакующих.

Атака захлебнулась, красноармейцы сразу почувствовали и железный мороз рассвета, и голод и жадно посматривали на лошадиные туши, раскиданные по Лисьей Поляне.

Через час Пепеляев снова пошел в наступление; снег, утрамбованный первой атакой, стал плотным, офицеры шли борзо, в полный рост, без оглядки. Чем безогляднее они шли, тем сосредоточеннее становились красноармейцы.

Кропачев и Капралов с тревогой следили за приближающимися пепеляевцами: уже нечем остановить их, остался лишь небольшой резерв, спрятанный в хотоне. Юрта с ранеными и хотон находились в центре обороны, жалкие эти укрытия обстреливались с трех сторон, пули прошивали юрты, тонкие, сплетенные из краснотала стенки хотона, убивали и калечили бойцов. Люди лежали на земляном полу, Капралов да санитар переползали от раненого к раненому. Санитар сорвал оленью шкуру, прикрывающую вход, и упал сраженный. Капралов выволок убитого из юрты, но тут же увидел Строда.

Строд вышел в тот момент, когда пепеляевцы подобрались к переднему краю окопов.

Красноармейцы, увидев своего командира, бросились в контратаку, под неожиданным их ударом пепеляевцы отступили вторично, а Строда на руках отнесли в юрту. Когда он пришел в себя, то заметил забинтованного Дмитриева.

— Тебя опять ранило?

Дмитриев промолчал.

— Позови Иннокентия Адамского...

— Командир взвода убит.

— Кликни начальника пулеметной команды.

— Он тоже убит...

— Где Кропачев?

— Военком в окопе с бойцами.

— Мы продержимся до прихода Байкалова, если, если... — Строд не досказал своей мысли, но Дмитриев понял ее.

— В тайге, без дров, без хлеба, а Байкалов придет дней через десять. Если только он придет...

— Чего же ты хочешь? — подозрительно и уже сердясь спросил Строд.

— Хочу умереть стоя...

— Избавь от красивых, но глупых слов и следи

за Пепеляевым. Помни: предупрежден, значит, вооружен.

Стенания раненых прервали этот разговор, особенно тяжело стонал пожилой боец. Он то вскрикивал, то странно ухал:

— Уу, уу, уу!..

Уханье надрывало душу всем, хозяйка юрты, молоденькая якутка, вылезла из своего угла и, зачерпнув кружку воды, подала раненому.

Боец отказался от воды.

— Пей! Ты же просил воды! — требовательно сказала на своем языке якутка.

— Он не хочет пить. Он ухает от боли, — возразил фельдшер Капралов, знающий по-якутски, и, повернувшись к Строду, пояснил: — По-якутски, «уу» значит «вода», вот хозяйка и дала ему напиться. — Наклонившись, Капралов прошептал: — Боец через полчаса умрет. Вынесу его от раненых, смерть удручающе действует на людей.

Строд в знак согласия кивнул. Дверь приоткрылась, свежий воздух обдал леденящим дыханием. Невидимый из-за белого облака пара человек сказал простуженным басом:

— Окоченел я, братья! Позвольте согреть душу.

Строд разглядел бородатого богатыря в сером, из солдатского сукна, френче с погонами фельдфебеля. Вошедший был без полушубка и шапки.

— Садитесь к камельку. Что с вами? — спросил он.

— Под пулю угодил, кровью истекаю, ну да теперь уже все равно. Жил, жил на чужбине, а подыхать придется в медвежьей берлоге, — кашляя и вздрагивая, ответил фельдфебель.

— Перевяжите его, — приказал Строд.

Капралов и санитар сняли с фельдфебеля френч. Плечо и грудь были пробиты пулями. Капралов пе-

ревязал раны, накинул на фельдфебеля оленью доху.

Тепло камелька и кружка горячего чая взбодрили фельдфебеля. Собравшись с мыслями, заговорил:

— А для чего все это, господа офицеры? Омск — Иркутск — Харбин для чего? Сколько тысяч верст по России протопали, и России у нас нет, и сами пропадем на какой-то паршивой Лисьей Поляне, — он рассмеялся злобным смешком. — Да, да, господа офицеры, бывают положения, из которых нельзя выйти с честью, когда свою волю диктуют позор и смерть. Старик, есть бог или нет? — схватил он за руку фельдшера Капралова. — Сколько я таких, как ты, хороших людей на тот свет отправил, подумать страшно, а ты мне раны перевязываешь. Непонятно и странно. Красный ты апостол, что ли, старик? Так есть бог или нет? Если он существует, мне же тыщу лет на кресте висеть, да тыщу в аду корчиться.

Господь бог — подлец и преступник, если видит наши преступления и молчит. Как он смеет молчать, когда надо испепелить огнем всех, кто осквернил, испоганил, залил кровью и слезами русскую землю! А может, бедного моего бога еще раз убили? Иуда его предал, Понтий Пилат распял, но он воскрес и две тысячи лет учил любви к ближнему своему. И вот, господа офицеры, его вторично убили и разрушили сердца, в которых он жил, корень божественного человеколюбия вырвали из душ, — расвирепел фельдфебель, и рыдания сотрясли его крупное тело.

— Успокойся, разбередишь раны, хуже станет, — положил Капралов ладонь на плечо фельдфебеля.

— Мертвому худо не бывает! Я, кажись, в лазарет попал, ни командира, ни комиссара тут нет.

— Я командир. Что надо? — спросил Строд.

— Исповедаться хочу перед смертью. Может, подвернется случай, будете в Ижевске, поклонитесь

моему городу. Я ведь из Ижевска, мастер оружейного завода. Жена там, дети, свой дом, а я в тайге полволчьи умираю. Словно гроза за грозой накатились на меня две революции и выдули из родного гнезда. Первая, Февральская чужими, непонятными словами захлестнула — свобода, братство, равенство, война до победного конца. Не успел уяснить, для кого Февральская революция — для такой голытьбы, как я, или для буржуев, а на Руси большевики появились. Свою революцию совершили. Только у нас в Ижевске они не долго продержались, скинули их эсеры с царскими офицерами, я в ихнюю «народную армию» вступил добровольцем. Три месяца держались мы против красных, потом отступили за Каму. Мне бы опомниться тогда, повиниться бы перед красными, но струсил! Больно страшно про большевиков говорили: и звезды на лбах выжигают, и в кандалах работать заставляют. На беду мою Колчак власть захватил, из ижевцев Особую дивизию создал. Полковник Юрьев ею командовал, артист, ловкач, сукин сын — не приведи бог! Он таким, как я, окончательно затемнил сознание, и дрались мы будто бешеные, и лютовали от Камы до Байкала. Когда бежишь, огрызаешься да снова бежишь, не замечаешь, как лютовать начинаешь. Вот так и бежали, пока не очутились в Харбине, где столпились дворяне, купцы, попы, барыни, царские офицеры да сановники, а среди них я — вятский мужик, ижевский мастеровой. Что делать, чем жить, не знал, а тоска по дому стала такая — словом не выразишь. Два с лишним года проболтался в Харбине, а прошлым летом встретил на улице полковника Андерса. Он с ходу новостями ошарашил: по всей Сибири, сказал, восстания против большевиков. Сибиряки, сказал, обратились к генералу Пепеляеву за помощью, генерал собирает дружину добровольцев и зовет всех, особенно ижевцев,

в новый поход. «Я иду! Лучше со славой погибнуть на родине, чем по-муравьиному существовать на чужбине. Я иду и зову тебя»,— уговаривал Андерс, соловьем, подлец, разливался...

Фельдфебель опустил голову, прижал почерневшие ладони к завязанной груди, помолчал немного и снова заговорил, но уже прерывисто, тяжело:

— Я согласился не потому, что уговорил полковник Андерс. Нет, не потому, а захотелось взглянуть, как теперь живут там, в России. Сомнения давно душу подтачивали: если большевики — иностранные бродяги, как они смогли весь русский народ покорить? Кучка комиссаров миллионы людей подчинила своей воле. Как? Чем? И я решил из Харбина домой через какой-то Аян, через Амгу какую-то пешком топать! И вот притопал в тайгу, чтобы под красный пулемет угодить. Не в Ижевске, не в Иркутске, а на Поляне Лисьей, в бою с таким же русским рабочим, как я сам, получил в награду семь золотников свинца. Придет весна, и вырастет из моих костей крапива, ну и пусть, ну и ладно, а умирать все-таки надо спокойно...

Фельдфебель покачнулся и чуть не упал на горячую печку. Фельдшер Капралов уложил его на скамью, он вытянулся, только вздымалась и опускалась грудь. Вдруг он поднялся, и стал срывать окровавленные бинты, и швырять их в печку. Фельдшер кинулся было к нему, но он прокричал:

— Не подходи! Умираю, но не страшусь! Стыдно только, что долго обманывал и насиловал свою совесть, а жить на одном обмане нельзя! Проклятые генералы охомутали, взнуздали, пять лет послушно в упряжке ходил. Я! Мастер-оружейник! Золотые руки! Теперь ничего нет — ни рук, ни сердца, ни жены, ни детей! Не там умираю, где надо бы, не за то, за что стоило бы...

Фельдфебель сполз на пол, уткнулся головой в мерзлую шкуру юрты. Несколько минут вздрагивал и всхлипывал. И затих.

Пепеляев прекратил лобовые атаки и начал планомерную осаду Лисьей Поляны. Его добровольцы сооружали балбохи — почти непробиваемые для пуль щиты. Под прикрытием балбох они могли вплотную приблизиться к окопам Строда.

Дмитриев и Кропачев дежурили по ночам, зорко следили за каждым подозрительным движением у белых. Иногда выходил Строд и, пошатываясь, вглядывался в звездную темноту.

С таежной опушки донесся хриплый голос:

— Эй, краснюки!..

— Что нужно? — откликнулся Дмитриев.

— Новостиска для вас симпатичная...

— Пошел ты знаешь куда!..

— Не ругайся. Пусть говорят, — остановил его Строд.

— К нам генерал Ракитин подходит, у него дальнобойное орудие есть. Пальнем из пушечки, от вас мокрое место останется.

— Нет у вас пушек, сукины сыновья! — осатанело выкрикнул Дмитриев.

С рассвета до поздних сумерок пепеляевцы пулеметными очередями били по окопам Лисьей Поляны, пока в ледяных валах не появились большие бреши. Пепеляевцы иногда прекращали стрельбу и торжественно кричали:

— Вылупим из окопов! Доконаем голубчиков!..

В юрту прополз Кропачев, долго приглядывался, отыскивая среди раненых Строда, зашептал:

— Если не заложим бреши, то конец нам, — в его голосе была такая безнадежность, что Строд откинул

сленью шкуру со входа и оглядел Лисью Поляну, усеянную убитыми. В сером свете вечера черные трупы, красный снег, разрушенные окопы вызывали особенно тоскливое чувство.

— Ночью соберем убитых и сложим баррикаду перед окопами. Баррикаду из своих бойцов, из пепеляевцев,— неверным, нетвердым голосом заговорил Строд.— Продержимся ли мы до прихода Байкалова или не продержимся, но Пепеляев еще потопчется на Лисей Поляне. Все лишние гранаты и патроны сложить в юрте и насыпать на них порох. Когда сделают первый орудийный выстрел, выкинем белый флаг и взорвем их и себя в последний момент...

— Наши посланцы уже дошли до Якутска. Если Байкалов поспешит, то еще может выручить нас,— сказал Кропачев.

— Идет парламентар, — сообщил Дмитриев, просунувшись в юрту.

Строд сидел на скамье: не хотелось, чтобы пепеляевец увидел его совершенно обессиленным. Парламентар, русоволосый, голубоглазый офицер, отдал честь Строду, заговорил со значительным выражением лица:

— Генерал возвращает вам письмо ваше, посланное командующему вооруженными силами Якутии. Мы перехватили вашего посланца-охотника на Охотском тракте. К письму генерал приложил свой приказ, который сегодня зачитали перед всей дружиной. Пепеляев снова предъявляет вам ультиматум — капитулировать завтра в полдень...

Строд не мог скрыть от парламентаря нервного дрожания пальцев, разрывая злосчастный пакет. Вынул свое письмо Карлу Байкалову, пробежал глазами приказ Пепеляева: «Необходимо разбить противника в кратчайший срок, от этого зависит все наше движение» и кинул на угли камелька. Письмо и при-

каз занялись синими огоньками и растаяли, и Строд спросил:

— Что вы сделали с охотником?

— Поступили по закону военного времени...

— Расстреляли?

— Повесили. Мы расстреливаем только военных,— с особым щегольством ответил парламентар, и голубые глаза налились ледяным блеском.— Что же передать генералу?

— Ответ завтра в полдень. Кстати, с кем имею честь разговаривать?

— Полковник Андерс!

Строд сдвинул брови. «Так вот он каков, убийца детей. Приятен, спокоен, с незамутненным голубым взглядом».

— Завтра мы ждем ответа на ультиматум,— напомнил Андерс.

Военком осторожно тряс за плечо Строда.

— Что еще случилось? — испуганно приподнялся Строд.

— Вы просили разбудить, когда это будет готово,— тихо, стараясь не привлекать внимания раненых, с особой многозначительностью сказал Кропачев.

— Ах, да, да! — Строд поспешно оделся.— На дворе-то как?

— Морозно, градусов пятьдесят, но светло.

— Дмитриев где?

— Там, где баррикада,— по-прежнему многозначительно, но переходя на шепот, ответил Кропачев.

Они вышли из юрты. В морозном, тусклом и каком-то мохнатом свете все казалось смещенным, сдвинутым с привычных мест: кривыми и приподнятыми были тени деревьев, юрт, хотона, над око-

пами неподвижно висели лиловые пятна костров, одинокие выстрелы щелкали приглушенно, на окровавленном снегу дыбились опущенные изморозью лошадиные трупы. Весь этот мрачный пейзаж поражал своей нереальностью, особенно же странными казались красноармейцы, переползавшие с места на место. Они ползали на четвереньках по узенькой, не шире сажени, дорожке вдоль окопов. Это была единственная, не поражаемая пулями часть окопа, и Строд невольно ускорил шаги.

И вот он увидел то, что приказал сделать.

За ледяной броней смутно угадывались человеческие фигуры, мороз сцементировал своих и чужих, красных и белых.

Строд стоял перед баррикадой, не отрывая глаз от смутных фигур в ледяной глубине ее, и обрывки мыслей роились в отяжелевшей голове. Они появлялись и исчезали, как дым на сквозняке, странные, необъяснимые, и Строд все сильнее чувствовал угнетенное состояние духа. Эта баррикада и темная стена тайги, и красный снег, и седое небо с волчьими звездами давили на его сознание, он испытывал острую боль за живых и мучительный стыд перед мертвыми, но к боли, к стыду примешивалось чувство сомнения в исходе борьбы.

— Наступает семнадцатое утро на Лисьей Поляне, а так ли необходимы все наши жертвы и наши страдания? — спросил он, с трудом переводя дыхание, обжигая гортань морозным воздухом. Вопрос его был обращен к Кропачеву, Дмитриеву, фельдшеру Капралову, но те молчали, и Строд понял, ответ может дать только он сам. — Мы сделали все, даже невозможное, самые бесстрашные из нас легли на пути противника, но они и мертвыми продолжают сражаться. — Мысль о мертвых, продолжавших борьбу, показалась ему кощунственной, недопустимо мы-

слить такими категориями, как борьба мертвецов. «Такое мышление обесценивает нравственную красоту жизни, унижает человеческое достоинство. Я должен только просить прощения у мертвых, что не мог иначе поступить...»

В замороженной тишине просвистела пуля, прокатился выстрел, и вот, словно им вызванное, над Лисьей Поляной, над красными, над белыми, над всем ночным таежным миром вспыхнуло северное сияние. Переливаясь, всплескиваясь, оно моментально менялось, только что мелькало зеленым и алым и уже синие, уже белые перья раскачиваются между звездами. Они растут, захватывают небо, но тут же обрушиваются с высоты. Кажется, чья-то невидимая рука швырнула драгоценные камни на Лисью Поляну и подожгла ее живым лихорадочным пламенем. Та же рука одним взмахом выбросила гигантские кольца, они развернулись в струящуюся спираль, распались на багровые пятна, а пятна обратились в косматые гривы дыма.

Северное сияние погасло сразу, будто его выключили во всех точках неба, опять надвинулась ночь — слепая, ледяная, равнодушная ко всем страданиям человеческим.

Молчали красные, не шевелились белые.

Над тайгой вскипали снежные вихри, ныли деревья, попрятались по берлогам звери, только люди продолжали свое убийственное дело. Время от времени раскатывались пулеметные очереди, плясали в метели кровавые костры.

— Может, это наша последняя ночь, — бормотал Капралов.

— Ты не очень-то каркай, — остановил его Строд. — И без твоих пророчеств тошно, Джергэ сказал бы, не будь многоговорлив попусту. — Строд поправил фитиль коптилки.

В юрту ввалился заснеженный Дмитриев, бессонница осады высушила до черноты румяное его лицо.

— Метель-то, кажись, стихает, я все ждал, полезут пепеляевцы или нет. Не полезли. Почему бы это? — Дмитриев осторожно, чтобы не потревожить раненых, пробрался к печке.

— Они ведь тоже не железные, — ответил Строд.

— Люди крепче железа, я уверовал в эту истину, — сказал Дмитриев.

Строд — Пепеляеву

«Генерал! Вы думали в феврале взять Якутск, а весной форсированным победоносным маршем пройти всю Сибирь, но суровое лицо жизни — железная действительность, а не роман, не сказка из «Тысячи и одной ночи». Не приходится говорить о Москве, Иркутске, даже Якутске, если вы не можете своими силами взять небольшой отряд. Вторично предлагаем вам сложить оружие».

— Вот и все, и на этом точка. Нам больше глупо толковать с генералом. Иди, Пожидаев, передай наш ответ Пепеляеву.

Пожидаев, проваливаясь по пояс в сугробы, снова побрел к пепеляевцам. Он шел, хмелея от белого снежного света, от крепкого смолистого воздуха. Метель замела все следы, но Пожидаев мысленно видел окровавленные окопы, груды поломанных винтовок, стреляные гильзы. Видел и страшную баррикаду, и, хотя старался не думать о ней, мысль упорно к ней возвращалась. Стало не по себе, Пожидаев поспешно поднял над головой белый платок.

Его заметили, на опушку выскочил офицер. Пожидаев признал Андерса. Полковник осклабился в усмешке.

— Здорово, приятель! Сдаваться пришел? Ах, ответ на ультиматум! Генерал сейчас в Амге, но мы домчимся к нему быстрехонько...

Через час Пожидаев сидел в просторной чистой избе, Пепеляев мрачно ходил от окна к двери, скрывая раздражение под напускным равнодушием.

— Ваш Строд — фанатик и думает, что умереть за идею возвышенно и благородно. Или надеется на помощь Якутска? Ждет, когда Байкалов пришлет войска? Я оборвал все его надежды, генерал Ракитин взял село Чурапчу, в котором находился отряд Курашова. Бойцы перешли на мою сторону, сам Курашов бежал. Строду надо бы сдаться на мою милость, он же пишет какой-то вздор: «Суровое лицо жизни — не роман, не сказка из «Тысячи и одной ночи»», — язвительно говорил Пепеляев.

Пожидаев, глядя в передний угол, молчаливо слушал. Пепеляев остановился перед ним.

— Завтра я разнесу в пух и прах все живое и мертвое на Лисьей Поляне! Хотел сохранить жизнь коммунистам, но теперь уничтожу всех этих интернациональных бродяг, как волков. Так и передайте Строду...

Генерал Вишневский приготовился к новому штурму Лисьей Поляны, но все же послал к Строду своего парламентаря.

— Мы ждем последнего ответа, — сказал парламентар.

— Вот наш ответ! — Строд повернулся к Дмитриеву. — Поднять знамя!

Над обледенелыми окопами, похлопывая на ветру, пламеня и вспыхивая, поднялось красное знамя, на бруствере появился боец с гармонью — и звуки «Интернационала» зазвучали в воздухе. Слова гимна подхватили хриплые, болезненные голоса, и сразу словно что-то изменилось на Лисьей Поляне.

Генерал Вишнеvский и дружинники сперва слушали растерянно и недоуменно, потом просто осата-нели. Они долго били по багровому полотнищу из пу-леметов, наконец пошли в атаку с искривленными от ругательств ртами. Осажденные закидали их грана-тами, и дружинники отступили. Вишнеvский сказал полковнику Андерсу:

— Скачите к Пепеляеву. Скажите ему — они знают, что Ракитин послал к нам орудие, что мы рас-стреляли их посланцев, и все-таки не сдаются. Вы-бросили красный флаг, поют «Интернационал». Они сошли с ума, а что же делать нам? Мужество этих безумцев подавило волю наших дружинников, даже я чувствую какой-то необъяснимый трепет...

— Сегодня я понял: есть вещи выше человечес-кого понимания. Не знаю, чем такое называется, но бессмысленная защита красными Лисьей Поляны приобретает символический смысл,— полковник Ан-дерс занес ногу на стремя, метнул свое тело в седло.

Вишнеvский тяжело опустилсЯ на срубленную пихту, раньше Пепеляева и Андерса понял он: после Лисьей Поляны идти на Якутск невозможно.

— Может, и доползем до Якутска, но там нас возьмут голыми руками. Глупо! Кто это сказал: «Дай-те нации хорошую войну— она получит великолеп-ный мир»? Сказано не глупо, но безумно. Мы дали России гражданскую войну, а что в итоге? Мы — дво-ряне, честь и краса нации,— сидим в тайге, на какой-то Лисьей Поляне. Страшный итог!

Утро было пасмурное от метелицы, по Лисьей По-ляне передвигались снежные вихри, метались сосны и пихты. Под стать пасмурному утру было и настро-ение красноармейцев: в сером свете все обострилось, все стало болезненно ощутимым.

Строд тоскливо думал о том, что лошадиного мя-са осталось на пару дней, и нет дров, и нечем сме-

пить подстилку для раненых. Если сегодня пепеляевцы пойдут в очередную атаку, то это конец их обороны. Всю ночь слышал он какое-то движение в стане противника: то ли получили подкрепление, то ли готовятся к наступлению.

Но шли часы, атаки не было. Метель улеглась, опали снежные вихри, в тайге возникла необыкновенная, торжественная тишина, та самая, что иногда называется белым безмолвием севера.

И вдруг это безмолвие лопнуло от далекого, плотного звука, звук прокатился над сопками — властный, беспощадный. Что-то тяжело ахнуло, земля содрогнулась, по тайге пронеслись тысячи угрожающих шорохов.

— Орудийный выстрел! Генерал Ракитин подходит к Лисьей Поляне! — Строд выбежал из юрты, красноармейцы повернулись к нему, ожидая последнего приказа.

— Мы взорвем их и себя, когда они окажутся здесь, — громко сказал Строд.

Орудийная канонада продолжалась весь день, но пепеляевцы так и не пошли в последнюю атаку.

Это было и непонятно, и удивительно. Строд опасался какого-то подвоха и все чего-то ждал, взглядывая на пробитое пулями знамя, что развевалось на вечернем ветру. Сумерки сгустились, и вот из них вылетело четверо всадников, они покрутились на опушке и в карьер поскакали к окопам. Строд поднял бинокль и не поверил своим глазам: впереди мчался Курашов — командир чурапчинского отряда, он ворвался на площадку перед юртой — неожиданный вестник освобождения.

— Байкалов захватил Амгу, Пепеляев отступает в Аян, генерал Вишнеvский снял осаду, — поспешно, словно торопясь избавиться от своих новостей, выкрикивал Курашов.

Наступило четвертое марта.

В небе — просторном, раскованном, словно отлитом из перламутра, — играло пять солнц: одно настоящее и четыре ложных, косяки еще негреющего света наполняли просторную избу; Строд¹ наслаждался и светом, и запахом пихтовых лап, и чистой одеждой, в которую переделся после бани. Еще доставляла наслаждение блаженная тишина.

В избу вошел Карл Некунде-Байкалов с чемоданом в руке. Строд отметил новые глубокие морщины на его лице. «Видно, не сладко пришлось ему в эти дни», — подумал он.

— Как себя чувствуешь? — спросил Байкалов.

— Будто новорожденный, легко и бездумно, — рассмеялся Строд.

— Легко — верю, что бездумно — сомневаюсь, — Байкалов поставил под лавку чемодан. — Это, брат ты мой, «канцелярия губернатора Якутской провинции» Куликовского. А куда делся сам губернатор, все еще не узнали. Среди убитых нет, в числе бежавших тоже.

— А что с Пепеляевым, что с Вишневым? — спросил Строд.

— Пепеляев с отрядом капитана Артемьева отступает на Петропавловский. Вишневым и полковник Андерс бежали на реку Милю. Я отдал приказ Курашову и командиру дивизиона Мизину преследовать пепеляевцев. Надеюсь, отрежут путь на Аян, если опередят беглецов и раньше их дойдут до Нелькана. Надеюсь, но и боюсь: красноармейцы измучены переходами, многие обморозились. Вы совершили невозможное на Сасыл-Сысы, — назвал Байкалов Лисью Поляну по-якутски, этим подчер-

¹ За героическую оборону Лисьей Поляны И. Строд был награжден вторым орденом Красного Знамени. — Прим. авт.

живая ее уже историческое для таежной республики значение.— Вы приняли на себя всю тяжесть ударов и не пропустили генералов в Якутск.

Дверь кто-то дернул. Байкалов распахнул ее. В сенях стояли охотник и дрожащий от холода бородастый старик.

— Вот, однако, привел к тебе. Обещался заплатить чистым золотом, если отвезу его на реку Милю, но я привел к тебе. Поговори с ним сам,—сказал охотник.

— Что за человек?—спросил Байкалов, переводя взгляд на старика.

— Перед вами несчастный Куликовский,—озираясь, прошептал старик.—Замерз я, просто ужас какая была ночь!

Байкалов пропустил Куликовского в избу, спросил:

— Где же вы прятались, господин губернатор?

— В стоге сена,—пролепетал Куликовский.— Потерял свой кольт. Боже мой, что за ужасная ночь! Я не смыкал глаз, промерз до самых костей и голоден...

— Вас накормят и напоят горячим чаем. Выспитесь, и мы поговорим, а сейчас один только вопрос: вы царский политкаторжанин?

— Это было давно. Ах, не помню, когда это было! Я не отдаю себе отчета в происходящем, у меня голова кругом...

— Я тоже царский политкаторжанин. Не странно ли, как разошлись пути царских ссыльных?

— Да, да, вы правы. Неисповедимы пути божьи и пути человеческие...

Байкалов вызвал фельдшера Капралова, тот увел Куликовского в лазарет. Байкалов раскрыл чемодан и вынул бело-зеленое шелковое знамя с ликом Христа, пачки этикеток для винных бутылок, сверток

бумаг, псалтырь, несколько шприцев, визитные карточки.

На твердых, цвета слоновой кости карточках на трех языках — русском, французском и английском было напечатано: «Петр Андреевич Куликовский — губернатор Якутской провинции».

— Даже позолота с визитных карточек стерлась. Вот она, пыль тщеславия, — усмехнулся Строд.

— Бывший революционер с псалтырем. Оригинально! А что это такое? Порнографические открытки.

— Н-да! Сластолюбивый старец! — крикнул Строд. — А для какой цели винные этикетки?

— Он расплачивался ими с местными жителями вместо денег. Смотри, написано на хересе — двадцать пять рублей, на портвейне — десять. Даже «имеют хождение наравне со всеми денежными знаками» написано. — Байкалов развязал сверток бумаги, в нем оказались письма, незаконченные деловые записки о пароходстве по реке Мае, о строительстве Аяно-Нельканской шоссейной дороги. В письмах Куликовский жаловался нельканским промышленникам на непочтительное отношение к нему со стороны пепеляевцев, на мелкие обиды и насмешки.

— Такому ничтожеству контрреволюция дала власть над судьбами народностей Севера! — воскликнул Строд.

В избу вбежал фельдшер Капралов.

— Куликовский отравился.

— В каком он состоянии? Где он взял морфий? — спросил Байкалов.

— Куликовский умер, морфий ему возвратил боец при обыске. Куликовский сказал, что это сердечное лекарство.

— Жалкая смерть ничтожного человека. Она символизирует собой конец всей партии эсеров, —

заметил Строд.— Пойду в лазарет, узнаю, как себя чувствуют раненые и больные бойцы,— сказал он, вставая.— Теперь каждый, кто пережил осаду Лисьей Поляны, мне роднее брата.

Байкалов прошелся по избе, вернулся к столу. Нужно было написать рапорт об амгинской победе, но Байкалов не испытывал особого удовольствия: «Пепеляев разбит, но не побежден, и, хотя панически отступает, нет сил преследовать его».

Он писал торопливо, размашисто, обрисовывая в кратких чертах военную обстановку. Писал и невольно думал о том, что, когда его рапорт дойдет до Якутска, военная обстановка изменится множество раз, но результат один: с пепеляевщиной покончено.

«Пепеляев поспешно отходит на Петропавловский, с намерением уйти в Нелькан, в Аян, Харбин...

Сейчас формирую группы, чтобы перерезать путь бегства Пепеляева...»

Пепеляева по разным дорогам преследовали отряды Курашова и Мизина, они должны были соединиться на маленькой почтовой станции Аим. Обойти или миновать эту станцию Пепеляев не мог, другого пути к побережью не существовало. Пепеляев опередил красных, прошел через Аим раньше и беспрепятственно устремился к Аяну.

В конце апреля он вернулся в Аян и, не теряя времени, отправил в Охотск Вишневого. Генерал должен дожидаться первого парохода, захватить его и прибыть в Аян за пепеляевцами.

Но Вишневский не дошел до Охотска. Он остановился на рыбном промысле в ста верстах от городка. Вишневский махнул рукой на судьбу Пепеляева и «братьев дружинников» и стал ждать шхуну. Он дождался ее.

Глава вторая

События революции уже пятый год захлестывали Охотск, как океанский прилив берега.

Власть Советов на побережье была провозглашена в апреле восемнадцатого года. Уездный совет национализировал золотые прииски и рыбные промыслы охотских богачей. На прииске Благодатном, принадлежавшем золотопромышленнице Бушуевой, рабочие создали горный коллектив. Впервые охотские старатели, охотники, рыбаки почувствовали себя людьми на суровой земле Севера.

Зима девятнадцатого года была не очень тревожной. В России и Сибири шла гражданская война, но Охотский уезд, отрезанный от страны океаном и непроходимой тайгой, продолжал оставаться советским. Только в июле в Охотск прибыла шхуна «Михаил» с отрядом колчаковского полковника Виктора Широких.

Из тридцати пяти лет своей жизни Виктор Широких десять провел в царской охранке. С юношеских лет занимался он слежкой за инакомыслящими, мнимой подготовкой покушений на политических деятелей и своевременным раскрытием их в свою пользу. Умение выдавать себя за тайного охранителя приблизило его и к верховному правителю. Колчак назначил Широких начальником отдела контрразведки в управлении военного полевого контроля.

Это могущественное учреждение в Омске распухло до чрезвычайных размеров. В атмосфере войны, политических переворотов, военной интервенции

офицеры-контрразведчики чувствовали себя, как щуки в пруду, переполненном карасями.

Управление полевого контроля пригрело целые табуны старых и новых провокаторов, доносителей, сыщиков, палачей — отбросы общества стекались сюда, как кровавая пена в клоаку. Эти люди прикрывались красивыми лозунгами борьбы за спасение отечества, с врагами народа, свободы, справедливости. В сибирских городках арестовывались не только рабочие или комбедчики, но даже священники и купцы. Их расстреливали и вешали без суда, имущество казненных попадало в руки охранников.

Колчак не проверял деятельность своего полевого контроля. Как-то военный министр пожаловался адмиралу на произвол охраны. «В охранной деятельности государства надо, чтобы чистые головы руководили грязными руками и сдерживали преступную похоть этих грязных рук. У меня же чистых голов почти не осталось», — ответил верховный правитель.

Виктор Широких, ставший по воле адмирала полковником, делал все, что делают грязные руки охранок: незаконно арестовывал людей, присваивал их имущество, расстреливал без суда, насиловал девушек. Все это он творил с уверенностью в своей безнаказанности.

Возможность разгульно жить вскружила голову полковнику. Он зарвался. Адмирал приказал отдать Виктора Широких под военно-полевой суд, но приятели уговорили Колчака снисходительно отнестись к полковнику, его отправили во Владивосток к командующему приморским гарнизоном генералу Розанову. Генерал решил, что полковник — самая подходящая личность для командования экспедиционным отрядом.

— Излечите жителей Охотского побережья от красной чумы, и верховный правитель назначит вас

генерал-губернатором Якутского края. Под вашей властью будет страна, вдвое превышающая размерами Европу, ее богатства вошли в поговорку,— посоветовал полковнику Розанов.

Сразу же по приходе шхуны в Охотск к полковнику Широких явился сын миллионерши Бушуевой Федор и вручил список лиц, помогавших или сочувствующих большевикам. По этому списку Широких развернул обыски, аресты, конфискацию золотого песка, пушнины. Девять большевиков-комиссаров были отправлены в Хабаровск, где их и расстреляли.

Начались расстрелы и в самом Охотске. Групповые убийства вошли в историю города под короткими, но мрачными наименованиями: «Расстрел тридцати», «Казнь пятидесяти».

Мастеровой люд и рыбаки бежали в тайгу, удалось скрыться и большевикам Кузьме Паршенкову, Алексею Унжакову. Паршенков был строителем уникальной по тем временам охотской радиостанции.

Паршенкова и Унжакова укрывали те самые тунгусы и якуты, которым полковник Широких предлагал денежные награды, если доставят ему головы коммунистов.

В охотской тайге появились партизанские отряды, самым крупным был отряд Унжакова.

Декабрьской ночью девятнадцатого года повстанцы под руководством Унжакова, Перминова, Горщерука напали на Охотск, разоружили карателей, захватили в плен самого Широких. На Охотском побережье была восстановлена власть Советов.

Охотский Совет создал военный трибунал для суда над карателями. Трибунал приговорил к смертной казни полковника Широких и группу его подручных. Удалось избежать народного гнева только миллионерше Бушуевой и ее сыну Федору: они укрылись на японских рыбных промыслах.

Враги трудящихся получили по заслугам, но трибунал допустил ошибку, освободив от наказания золотопромышленника Ивана Яныгина, двух братьев Сивцевых — якутских купцов. Вместе с Яныгиным они собрали банду авантюристов и устроили свое логово в поселке Булгино, на другом берегу Кухтуя.

Однако, Советы в Охотске просуществовали недолго. Японцы всячески поддерживали колчаковцев, семеновцев, каппелевцев, помещиков и торгашей, бежавших из Центральной России в Приморье.

Весной двадцатого года Охотский Совет получил из Иркутска радиограмму от уполномоченного Совнаркома по иностранным делам Сибири. «Передаю директивы Центра воздерживаться от столкновения с японцами. Советская Россия хочет установить мирные отношения со всеми народами, а также с Японией... Отношение Москвы к временным буферным образованиям на Востоке доброжелательное. Примите это к руководству».

Охотчане собрались на митинг. Он был шумен и разноречив, но главенствовала в нем одна мысль: если придут японцы, вступать с ними в бой или нет? Как быть, что делать? В конце концов восторжествовало мнение — при появлении японцев уйти в Якутск.

Как только море очистилось ото льда, в Охотск пришел военный японский корабль. Японцы обстреляли берег из орудий, но Охотск безмолвствовал: члены Совета, штаб партизанских отрядов, рабочие, сочувствующие большевикам, ушли в тайгу.

Японцы высадили десант, который, по словам очевидца, «гулял по казенным зданиям, в радиостанции оставил только кучу мусора, мрамора да стекла».

Через несколько дней на рейде бросил якорь пароход «Астрахань». Из Владивостока прибыл упол-

номоченный Приморской земской управы эсер Сентяпов. Новый земский правитель называл себя социал-революционером, но был высшей пробы черносотенцем. Вскоре установил он связь с бандой Яныгина, и Охотск оказался во власти мародеров и спекулянтов.

В это время горстка большевиков, возглавляемая Паршенковым и Ситниковым, создала в Охотске уездный комитет РКП(б).

В апреле двадцать первого года уком РКП(б) решил арестовать Сентяпова и ликвидировать банду Яныгина, но те узнали об опасности.

Яныгин решил сам напасть на Охотск. В густом тумане июньского предрассветья бандиты переправились через Кухтуй, напали на большевиков и рабочих, пришедших с приисков. Рабочие отступили, но положение спасли коммунисты во главе с Антипом Ситниковым.

Потеряв двадцать человек убитыми, бандиты бежали, но недешево обошлась победа и рабочим. Был смертельно ранен Антип Ситников, в рукопашной схватке погибло восемь большевиков. Уком отправил в Якутск нарочных за помощью и начал укреплять оборону города. Рабочие создали оружейную мастерскую, занялись литьем пуль, картечи, изготовлением бронзовых гранат.

В напряженном ожидании прошло девяносто дней: бандиты не решались на новое нападение, но и Охотск не получил из Якутска помощи.

Октябрьским утром из непрерывного дождя вырисовался силуэт парохода «Свирь». В полдень рядом со «Свирью» встал на якорь «Кишинев» — из Владивостока прибыла новая военная экспедиция есаула Бочкарева. К Бочкареву немедленно явился Яныгин, и они сговорились о совместном нападении на Охотск.

Большевики не могли оборонять город: уком решил со всеми красногвардейцами уйти на прииск.

Высадившись на берег, есаул Бочкарев передал якутам и тунгусам свое обращение: «Иностранцы, если вы хотите есть, мы накормим вас. Бросьте заниматься политикой. Вешайте и убивайте коммунистов. Восстанавливайте старую власть на прежних основаниях».

Бочкаревцы разграбили Охотск, а за ушедшими в тайгу бросились яныгинцы. Первую группу они достигли на таежной почтовой станции Амга. Там измученных голодом, обмороженных людей перекололи штыками. Другая группа попала в плен на станции Аллах-Юнь. Пленные после зверских пыток были расстреляны.

Чудовищную расправу учинили яныгинцы над третьей группой большевиков и красноармейцев. Из Охотска ушло сто человек, но по пути до станции Атырдах половина погибла от голода и мороза, утонула на переправах через Алдан. Остальных захватили яныгинцы. «Бандиты вспарывали еще живым коммунистам животы, вытаскивали кишки, развешивали их по стенам станции. Потом убитых сожгли», — рассказала единственная уцелевшая от гибели свидетельница Екатерина Нарицына.

На старинном тракте погибли все покинувшие город Охотск.

А в городе Бочкарев и Яныгин установили кровавую «демократию», и, словно укрепляя их владычество, в сентябре двадцать второго года в Охотске высадился отряд пепеляевцев под командой генерала Ракитина.

Он собрал в тайге несколько сот охотников и с ними отправился на помощь Пепеляеву, но Яныгин отказался от похода.

Якутский поход окончился полным фиаско, Ра-

китин вернулся в Охотск и стал готовиться к отъезду, отбирая у местных жителей золото и пушнину.

На побережье пришел холодный пасмурный май двадцать третьего года.

— «Где вы, что с вами? Где вы, что с вами?» «Ставрополь», дайте ваши координаты. Сообщаем пункты Охотского побережья, в которых расположены отряды пепеляевцев...» Радист Иван Полыгалов торопливо записывал радиограмму, страшась пропустить хотя бы одно слово, а приглушенный расстоянием голос повторял: «Говорит Владивосток. Перехожу на прием...» Рация засвистела, защелкала, далекий голос ослаб, снизился до шепота, растаял совсем.

Полыгалов спрятал радиограмму в карман, вышел на площадь.

Над почерневшими купеческими домами и бедными лачугами возносила зеленые купола церковь — единственная на тысячи верст Охотского побережья. По краям просторной площади теснились фабрики, лавки с крупными вывесками: «Представительство торговой фирмы «Олаф Свенсон»», «Контора «Гудзон-бей»», «Торговый дом братьев Сивцевых». За церковью виднелись гофрированные крыши складов «Фирмы П. А. Холмса», «Аянской корпорации Пюргентона», японской промышленной компании «Арай Гуми».

Полыгалов направился к бревенчатому домику корабельного мастера Василия Бозова. Постучал трижды в ставень, дверь тотчас открылась.

— Новости принес? — быстрым шепотом спросил Бозов, пропуская в комнату Полыгалова.

— Перехватил радиограмму из Владивостока, — Полыгалов подал радиограмму.

— Теперь ясно, идут наши. Но где они находятся, сколько их, как связаться с ними? Этот «Ставрополь» отвечает на позывные Владивостока? — обрадованно спрашивал Бозов.

— Пока не принял никакого ответа.

— Жаль, очень жаль! Нам надо установить наблюдение за морем, но генерал Ракитин не должен знать ни слова о «Ставрополе».

— Шила в мешке не утаишь.

— Будь с генералом осторожен, малейшее его подозрение — и нам крышка.

— Что ты меня предупреждаешь, чай, не дитя, — обиделся Польшгалов.

— Вчера генерал потребовал, чтобы я быстрее исправил моторный катер. Ему не терпится съездить в Аян к Пепеляеву, — сказал Бозов. — Я же все тяну и тяну с ремонтом.

— Я не могу долго скрывать радиограмму.

— Скажи Ракитину, принял-де сообщение из Японии, японцы-де посылают военный корабль за ними. Всякие хитрости нужны теперь, чтобы скрыть приближение наших.

— Тогда пойду к генералу, — согласился Польшгалов.

— Держись с ним почтительно, но и достойно. Он это любит...

Польшгалов шагал по улице, похорошевшей от утреннего света, радуясь появлению солнца: оно предвещало открытое море, рыбалку, охоту, может быть, приход корабля. На побережье кончались продукты, появление корабля было бы как божья милость.

Ракитин радушно принял Польшгалова.

— Радиограмма из Японии, господин генерал.

— Что сообщают наши друзья?

— Радиограмма отрывочна и бессвязна, но, кажется, японцы снаряжают торговую шхуну в Охотск.

— Слава богу, слава богу! Уже надоело сидеть у моря и ждать погоды.

— У меня мурашки по телу от мысли, что вы покинете Охотск.

Ракитин снял салфетку, прикрывавшую на столе бутылку и закуски.

— За славную новость следует выпить. Последний спирт допиваем. Все у нас стало последним: вино, женщины, война. И этот злосчастный поход на Якутск обернулся последним делом. Теперь дай бог благополучно уйти из Охотска. Кстати, про то же пишет и Пепеляев, сегодня нарочный привез его письмо из Аяна.

И он прочел:

— «Полагаю с наступлением навигации, на первых же иностранных судах, пришедших в Аян или Охотск, уехать в порты Китая. Вам приказываю принять все меры к сбору возможно большего количества валюты, необходимой для эвакуации дружины. Минимум — это 150 тысяч золотых рублей».

— Печальные дела,— швырнул на буфет письмо Ракитин.— Надо бы хуже, да некуда. Вот почему так важно знать, когда японцы придут в Охотск. Ловите новые радиограммы, сообщайте о них немедленно...

После Польшгалова к генералу явился капитан Энгельгардт с пышной охапкой мехов, свалил их на стол.

— У кого конфисковал? — равнодушно спросил Ракитин.

— У охотников Кухтуйского стойбища. Дюжина соболей, одна че'нобу'ая лисица, две сотни беличьих хвостов.

— Не бунтовали якуты?

— За ножи хватались, да я их успокоил. Сказал, что конфискуем не только пушнину, но и мясо. По-

ст'ащал, они и обмякли. Отдали пушнину, я им этикеток с по'твейна насовал пусть бе'егут вместо монеты.

— Якуты уже подмешивают в пищу заболонь, опустели склады «Олаф Свенсона». Нам в самом деле придется у них отнимать последних оленей, а если в июне не будет парохода, голод ликвидирует и туземцев, и нас с вами, брат капитан...

— С одной тысячей даже отчаянных со'ви голов, видно, не завоюешь Якутии. Что мы нашли в Охотске? Голово'езов Яныгина. У них всех-то мечтаний—вино да баба в постели. Низменные ст'асти—опасная за'аза—обожгли и наших солдат. Вот они,—показал на окно Энгельгардт,—стоят у факто'ии и ждут водки. Не выдай им комендант по стопке, факто'ию снесут, нас пе'едушат.

— Пепеляеву без нас плохо, но и мы без него пропадем.

— Только бы дожждаться судна. Японского, китайского, канадского, какого угодно, я с удовольствием покину область вечной ме'злоты для к'ая вечного солнца...

— Польшгалов поймал японскую радиogramму, с открытием навигации к нам придет пароход.

— Дивно! П'елестно! Что еще сообщают японцы?

— Польшгалов больше не мог установить радиосвязи.

— Я бы взял его в эпистос, поймал бы. Мне не по душе этот бывший к'аснюк. Не дове'айте пе'еметчикам.

— От твоего эпистоса он протянет ножки.

— Вы изменяетесь к худшему, б'ат гене'ал! Вы становитесь гуманистом.

— Сто пятьдесят тысяч золотых червонцев требует Пепеляев,—задумчиво повторил Ракитин.—Здорово придется поработать за такую сумму.

— Будем обст'игать якутских овечек.

— Не забывайте, капитан, поговорку: пошли по шерсть — возвратились стриженными.

Поля заснеженных льдов лежали вокруг «Ставрополя», в белесой искрящейся мгле черным пятном маячил силуэт «Индиgirки», и больше ничего не было на горизонте.

Степан Вострецов надел дымчатые очки, сияние снега смягчилось. Он пристально всматривался в далекую «Индиgirку», зажатую льдами, потом поднялся на капитанский мостик, спросил у Миловзорова, стоявшего около вахтенного:

— Что нового, Павел Георгиевич?

— Все по-старому, никаких новостей.

— Уже хорошая новость, что нет никаких новостей,— пошутил Вострецов и, наклонившись над судовым журналом, прочитал записи.

«Седьмого мая. Встретил сплошные льды. Лавировали во льду, склоняясь преимущественно к норду, испытывая все время сильные толчки льда в корпус.

Двенадцатого мая. Стоим во льду. Дует свежий ветер, пурга, дрейф на вост.

Тринадцатого мая. Пробовали пробиваться, но безуспешно. В этот день шел снег и дул свежий ост. Вечером снежная пурга с порывами ветра до 8 баллов.

Двадцатого мая. Стояли, затертые льдами...»

Степан полез в карман за трубкой. С минуту они молчали, не спуская глаз с беспредельной пустыни.

— Я читал в лоции, что Охотское море освобождается ото льда в мае,— снова заговорил Степан.— Май на исходе, а мы в плену.

— Такой ледовой обстановки я давно не помню, хотя плаваю здесь не первый год. Если начнется све-

жий ветер южных румбов, то бог знает, что случится. Сегодня мы шли со скоростью половины узла в час,— сердито ответил Миловзоров.

— И все же нам надо пробиваться вперед.

— Разве я говорю не надо?

— Где мы сейчас?

— На траверсе Аяна, но лед постепенно прижимает к берегу. А это очень опасно,— добавил Миловзоров, поймав недоуменный взгляд Вострецова.

— Во Владивостоке мне говорили, Пепеляев квартирует в Аяне, но это когда было? Не сидит же генерал на одном месте, сложа руки. Какое расстояние от Охотска до Аяна по лоции?

— Миль триста, но там нет удобной бухты.

— Сигналы с «Индиگیری»,— доложил вахтенный.

— О чем сигналият?

— «Индиگیری» получила новую пробоину, лед срезал четыре заклепки...

— Когда комиссар Пшеничный вернется с «Индиگیری», пусть зайдет ко мне,— сказал вахтенному Вострецов и ушел в свою каюту, заваленную оружием, теплой одеждой, пачками книг. Сел за столик, взял книгу «Охотско-Камчатский край». Он читал, пытаясь представить себе край, в который забросила его судьба.

Край раскинулся на две тысячи верст. Вся Франция вместились бы в его пределы, но в них проживает пять-шесть тысяч человек — якуты, камчадалы, тунгусы, потомки русских землепроходцев. В последние годы все больше появлялось на Охотском побережье японцев, американцев, канадцев — золотопромышленников, перекупщиков пушнины, представителей торговых фирм.

Охотск возник на карте мира давно. Основали его русские землепроходцы, когда в целеустремленном

своём движении на восток вышли к Тихому океану. Охотск стал морским портом русского Севера.

Здесь строили корабли Беринг и Чириков для своей исторической экспедиции, отсюда отправились они, чтобы открыть Командорские острова и неизвестное море, названное морем Беринга.

Из Охотска уходили на Аляску, Чукотку, в русскую Калифорнию Шелехов, Баранов, Биллингс. В Охотске готовились к новым странствиям и другие русские экспедиции, здесь прозвучали названия до толе неизвестных островов: Командоры, Курильская гряда, Алеутские острова, Форт Росс. Впервые произнесенные в Охотске эти слова облетели весь мир, оседая в географических картах.

Испокон веку в Охотске работают корабельная верфь, железоделательный, кирпичный заводики, смолокурни, а шхуны, пакетботы, построенные охотскими корабелями, бороздили просторы Тихого океана.

В этом городе на краю океана каждый русский ощущает и могучее дыхание истории, и трагическую быстротечность жизни, и вечную славу мертвых. С особой остротой представляет он, как землепроходцы в продолжении веков являлись на свидания с историей, запечатлевая имена свои на всех географических картах, делая этот городок символом русской славы...

Вострецов отложил книгу. Нахлынули воспоминания, мешая друг другу, слишком много их было, и, как всегда, мелочи заслоняли самое существенное.

Он вспоминал, слушая, как содрогается корпус корабля, как стучит собственное сердце. В его мужицком теле живет очень нежное сердце, а ум тоскует по знаниям, по все новым знаниям, что накопили люди за многие тысячелетия, но приобретать их нет времени. Нужда была спутницей его с детства,

судьба преследует сейчас. Все время за него решают нужда да судьба, ему надо бы учиться, а его посылают в какой-нибудь новый бой.

— Это твой самый последний поход, Вострецов. Ликвидируешь Пепеляева и поедешь в военную академию, лично напишу рекомендацию, а пока — последний поход к берегам Охотска и Аяна, — говорил ему в Чите, в штабе 5-й армии, командарм Иероним Уборевич.

— Мой последний поход, — со вздохом произнес Вострецов.

«Этот человек отлит из стали и золота: сталь — в его руках, золото — в сердце», — с удовлетворением подумал командарм, но не высказал вслух Вострецову своих мыслей о нем.

— В жизни не бывает ни последних походов, ни окончательных привалов, — сказал Уборевич. — Жизнь — это вечный бой, сказал поэт, и сказал удивительно хорошо! Ответь на прямой вопрос: кого, кроме тебя, я могу послать в поход за последним «тигром» белого движения Пепеляевым? Мог бы отправиться сам, но мне не разрешает Реввоенсовет, я надеюсь на тебя, как на самого себя.

Мы помогали друг другу, учились друг у друга. Вспомни, как готовились к штурму Спасска, как дрались за этот Перекоп Дальнего Востока. Генерал Дитерихс с помощью японцев здорово укрепил Спасский военный район, городок был опоясан окопами, блиндажами, колючей проволокой заграждений. А мы взяли его штурмом...

Они вспоминали бои за Спасск, дополняя свои рассказы всякими подробностями, причем Вострецов вспоминал больше частных, чем командарм. Уборевичу представлялось только общее и главное в оперативном плане наступления Народно-революционной армии.

Иероним Уборевич, двадцатилетний литовец, командовавший 9, 13, 14-й армиями, отличался самостоятельностью мышления, глубоким знанием стратегии и тактики, смелостью и оригинальностью в разработке военных операций.

Седьмого октября двадцать второго года Уборевич поставил свои войска полукругом перед Спасском, а в центре, на главном направлении, сосредоточил Сводную группу Степана Вострецова. Командарм знал, что в его армии нет более бесстрашного человека, чем Вострецов, что он бешено ненавидит паникеров и трусов. Красноармейцы рассказывали, что он предупреждал их: «Если ваш командир окажется трусом — убейте его. Если я струшу — расстреляйте меня!»

Перед штурмом Спасска командарм долго беседовал с Вострецовым.

— Надо найти самое уязвимое место врага,— говорил Уборевич.

— Я непрестанно размышляю об этом. Противник укрепился хорошо и надежно, но еще лучше и надежнее наши бойцы,— уверенно ответил Вострецов.

— Трезвость расчета и страсть порыва едины. Ты уделил внимание разведке сил противника, это прекрасно, но результат должен быть только один — взятие Спасска. Смерти не боишься, Степан?

— Смерти не боится только идиот. Не смерть страшна, страшно умирание...

Начался штурм Спасска. Вострецов бросился на спасские укрепления, но лишь вечером восьмого октября его части захватили форт № 3.

Ночь остановила наступление. Девятого числа штурм возобновился с новой силой.

В напряженнейший момент боя Вострецов сам повел в атаку 5-й Амурский полк, а командарм Уборевич командовал Хабаровским полком.

Степан Вострецов и Иероним Уборевич сражались плечом к плечу. В тот осенний день они стали легендарными героями Спасска, хотя и не осознавали своего подвига. Они думали, что делали тяжелое, но исторически необходимое дело, завершая гражданскую войну.

Операции против японцев и армий Дитерихса продолжались весь октябрь.

У деревни Халкидон противник перешел в наступление, но был смят и разгромлен конницей Вострецова. Однако на пути Вострецова белые воздвигали одно препятствие за другим. Вторым после Спасска укрепленным районом стало село Монастырище. Здесь белые дрались особенно упорно и яростно, несколько раз переходили в контратаки, но вечером начали отступать.

Ночью на биваке Вострецов проснулся от далеких звуков военного оркестра. С позиций белых доносились звуки оркестра и песни:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

— А здорово поют мою любимую песню! — сказал Вострецов поэту-партизану Парфенову, темпераментному, всегда в приподнятом настроении юноше.

Парфенов думал, что он напишет о Вострецове статью, в которой расскажет, как любят его бойцы за храбрость и мужество. Значительно позже поэт-партизан вместо статьи написал маленькую песню. Подобно французскому лейтенанту Руже де Лиллю, он стал гением одной ночи. Слова его песни знает весь мир:

И останутся как сказка,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни...

Шестнадцатого октября Вострецов вступил в Никольск-Уссурийский. Двадцать пятого — части Народно-революционной армии освободили Владивосток.

Владивосток встретил Вострецова дождем со снежной крупой.

Степан приехал утром, в штаб 17-го Приморского корпуса было идти рано, он решил познакомиться с городом. Никогда не видел он моря, и бухта Золотой Рог — рябая, тусклая, загадочная под дождем — произвела на него неприятное впечатление. Город тоже показался унылым, придавленным, с атмосферой тревоги и страха: побережье находилось в руках белых банд.

Вострецов заглянул в закусочную, поел пампушек, выпил черного кофе и направился в штаб Приморского корпуса. Часовой у ворот потребовал пропуск. Степан назвал себя, часовой, видно предупрежденный, немедленно пропустил.

Дежурный командир выскочил из-за стола, прищелкнул каблуками:

— Комкор уже спрашивал о вас, товарищ Вострецов.

— Здравствуйте, Степан Сергеевич! Вы были в гостинице, там приготовили номер? — спросил комкор Борис Миронович Фельдман.

— А зачем мне гостиница? Я стану жить на корабле.

— Корабли еще в ремонте, я понукаю Дальзавод, но выше своего лба не прыгнешь. — Фельдман провел Степана к столу, заваленному морскими картами, лоджиями, справочниками. — Под ваше командование мы выделили два батальона, пулеметную команду, артиллерийский взвод.

Степан спросил о состоянии кораблей.

— Они не первой молодости, особенно «Ставрополь». Построен давно, зато пароход ледокольного типа. «Индибирка» тоже поизносилась, но выбирать-то не из чего, белые угнали за границу все пароходы,— ответил Фельдман.

От комкора Вострецов поехал в морские доки. Корабли ремонтировались и днем и ночью.

Наконец «Ставрополь» и «Индибирка» подняли флаги, и какое-то тревожное и радостное настроение охватило Степана. За час до выхода в море его позвали в штаб корпуса к прямому проводу: вызывал из Читы командарм.

— Банды Пепеляева ликвидировать в кратчайший срок, отобрать у них золото и пушнину, захваченную у местных жителей, всюду на Охотском побережье восстановить власть Советов. Женщин или членов семей в экспедицию брать запрещаю, цели похода держать в строжайшем секрете,— приказывал Уборевич.

«Ставрополь» и «Индибирка» незаметно покинули Золотой Рог, промелькнул остров Аскольда, погасли огни Владивостока, перед Степаном расстилалось Японское море.

Поход начался при хорошей погоде: голубело небо, сияли волны, весело покачивались суда. В проливе Лаперуза Степан с интересом рассматривал японский остров Хокайдо, обрывы Крильона — мыса на южной оконечности Сахалина. Степан побаивался, как бы японцы не задержали пароходы, но все обошлось благополучно.

— Погода прекрасная. При такой погоде быстрехонько дойдем до Охотска,— сказал он капитану.

— Кто на море не бывал, тот и горя не видал, старая пословица, не надо ее забывать,— не улыбаясь ответил Миловзоров.

Славная погода продолжалась недолго. Пароходы,

обогнув южную часть Сахалина, взяли курс на север и встретили льды. Первого мая началась снежная буря.

Охотское море обрушилось на экспедицию тайфунами. Начались поломки, задержки, в корпусе «Индикирки» появилась течь, авралы следовали за авралами. Прошло тридцать дней с начала плавания, но Охотск был по-прежнему недосягаем.

На иллюминаторе справа налево передвигался клубок снежинок, было слышно, как трется лед о борта «Ставрополя». Вострецов же не видел снега на стекле, не слышал грозного шуршания ледяных глыб — он весь был в воспоминаниях. Его видения развертывались в недавнем прошлом, города и села, и степные равнины, на которых происходили большие и малые бои, вставали перед ним нескончаемо.

Память отсеивала ненужные наслоения, и важные события становились еще значительнее, на них проявлялся отблеск истории, само время тоже приобретало историчность.

Как на экране, видел он дымные поля сражений, небо в молниях разрывающихся снарядов, в сивых шарах порохового дыма, кого-то преследовал, сам убегал от погони, лежал в липкой окопной грязи, крался по темным тропинкам. Перед ним проносились нескончаемой чередой знакомые и незнакомые лица: красные и белые, генералы и солдаты, министры и комиссары, капиталисты и мужики. Он ругался, наказывал, награждал, сам получал награды.

С внезапно вспыхнувшим интересом оглядел он свои ордена: каждый заслужен его кровью, мужеством, смелостью. Вот первый — орден боевого Красного Знамени за Челябинск. Тогда в дымном девятнадцатом году он с группой красноармейцев ворвался

на станцию Челябинск. А второй орден дан ему за бой с белополяками у деревни Тартак на реке Буг. В приказе Реввоенсовета о награждении говорится, что он «появлялся на самых опасных местах, где обаяние и авторитет его как командира ободряли в этом тяжелом бою красноармейцев». А третий получен за «штурмовые ночи Спасска», за то, что «всегда был в первых рядах, подавая личный пример храбрости и мужества».

Вострецов поставил на столик локти, положил на ладони голову и обратился памятью в челябинскую степь.

По степи заходили пегие волны ковыля, становясь багровыми на июльском закате, и Вострецов увидел себя, бегущего впереди бойцов, с наганом в руке. Он бежал, не оглядываясь, но знал: за ним красноармейцы спешат в атаку. Челябинский бой был одним из самых важных и памятных в его жизни.

Колчаковцам удалось было прорвать заслон 5-й армии, но их прорыв вызвал молниеносную реакцию красных. Командарм Тухачевский выделил особую группу войск, чтобы остановить противника, а Волжский полк Вострецова бросился в обход колчаковцев, готовя тяжкий удар по их левому флангу.

Надвигалась гроза, погромыхивал гром, степь дышала распаренным воздухом, по-змеиному шевелились травы, в темноте скрипели повозки, раздавались голоса.

Покачиваясь в седле, Вострецов слушал приперченные незлобливой руганью разговоры. Грубые шутки не принижали, не обескрыливали красноармейцев, идущих стремительным маршем к месту боя, русские люди жили, трудились, умирали с шуткой-прибауткой, с крепким словом.

Степан Вострецов был одним из них, выдвинутый революцией в командиры над ними же. Они понимали

друг друга с полунамека. Был бодр Вострецов — усталые, бодрились и они; кидался в атаку Вострецов — они устремлялись за ним. Как и они, спал он на голой земле, ел затируху из ржаной муки, умел подковать коня, посмеяться над самим собой, похвалить смелого, отчитать труса.

Такие командиры — понятные всем, доступные для всех — вдохновляли бойцов сильнее самых высоких слов...

Одно видение сменялось другим: Петропавловск, Омск, Барабинск вставали словно из небытия, но Вострецову особенно ярко представлялись бои на реке Тоболе, когда верх брали то красные, то белые, и кое-кому думалось, что иссякли силы 5-й армии, что выветрился наступательный дух ее полков. Но 5-я армия одолела водный рубеж и погнала колчаковцев к призрачной столице призрачного верховного правителя России...

Волжский полк был опять в авангарде. Бойцы шагали, кренясь вперед, словно ввинчиваясь в ветер, лошади натужно тянули повозки. Белые струи бежали по унылой равнине, в замерзших болотах корчились ржавые кочки, издали доносились паровозные свистки.

Уже совсем за вечерело, когда Волжский полк вышел к Иртышу. Темнота скрывала реку, лишь редкие огоньки подрагивали на противоположном берегу, в воздухе расплывались громоздкие очертания железнодорожного моста. Вострецов послал разведчиков к станции Куломзино. В ожидании донесений ходил по хрусткому от первого снежка обрыву, курил трубку, слушая тревожные гулы далекого города.

Вернулись разведчики, сообщили, что Куломзино забито воинскими эшелонами. Лед тонкий, но, если цепочкой проходить, выдержит. Ветер выдул с реки снег, молодой ледок пугал смоляным цветом и

ускользал из-под ног, и опасно потрескивал. Вострецову стало казаться — ноябрьская эта ночь, тонко постанывающий лед, невидимый город за Иртышом полны страшных неожиданностей. Он невольно утарапливал шаг, но, проскальзывая с обеих сторон, осторожно, как на цыпочках, пробегали красноармейцы.

Они выскакивали на берег, скапливались под обрывом, готовые к бою. Вострецов немедля повел их к вокзалу.

Быстро разрастались запасные пути, бесконечными становились товарные составы. Разведчики захватили первого колчаковского солдата. Он сказал, что адмирал Колчак покинул город, а на вокзале десятки эшелонов, готовых к эвакуации. Вострецов приказал занимать подходы к станции, не открывая огня, разоружать всех, сам же с несколькими бойцами прошел на перрон.

Сжимая наган в кармане полушубка, он шагал вдоль поезда; из теплушек неслись шепоты, вздохи, надсадный кашель, унылая ругань. За товарными стояли пассажирские вагоны.

Не теряя времени, Вострецов стал вводить свои батальоны на станцию, расставляя их между воинскими эшелонами. Все делалось молчаливо, деловито, с непостижимой быстротой...

Сильный удар в корпус корабля оборвал воспоминания Вострецова, он хотел подняться на палубу, но в каюту вошел комиссар Петр Пшеничный.

Был комиссар светловолос, с тонкими чертами лица, красиво очерченным ртом. Шел ему двадцать пятый год, но он уже усмирлял кулацкие восстания в Астраханской губернии, бил врангелевцев в Царицыне.

— Не время ли поднять андреевские флаги? — спросил Пшеничный.

— До Охотска еще триста миль.

— Нас могут прежде времени заметить местные жители или пепеляевцы. Они ведь на охоту ездят, у них и радиостанция есть. А царские флаги помогут еще день-два сохранить тайну.

— Флаги поднимем завтра.

— А сегодня я провожу вечер воспоминаний для третьей роты. Придете, Степан Сергеевич?

Комиссар был большим мастером по устройству всяких политбесед и политчасов, он проводил лекции о международном положении, выпускал рукописный вестник экспедиции, устраивал соревнования по стрельбе. Неугомонную свою деятельность он объяснял по-юношески просто: «Бойцы заскучают от безделья и теряют боевой дух».

— Что ты всех подгоняешь,— сказал как-то комиссару Степан.

— Летящий камень мохом не обрастает. Я тороплюсь сделать как можно больше при меньшей затрате энергии.

Комиссар и на самом деле увлекался безмерно, испытывая восторг перед людьми, совершившими что-то необычное. Он преображался, рассказывая о таких людях, глаза горели, голос звенел. Но сам о себе рассказывать не умел: он тогда мямлил или же делался серым и скучным.

Вечером в кают-компании собрались все бойцы 3-й роты. Вострецов смотрел на безусых краснощекых парней, с болезненной остротой чувствуя себя среди них стариком, хотя ему шел сороковой год. Бойцы тоже ощущали разницу в возрасте и чаще обращались к Пшеничному, а не к Вострецову.

— У нас сегодня не просто воспоминания о пережитом. Сегодня кое-кто расскажет о необычайном событии, которое произошло с ним или его друзьями,— начал комиссар.— Кто-то кого-то спас, или

спасли его самого, или кто-то несмотря на полную невозможность, выполнил свой долг перед Отечеством. Не знаю, кто сказал: «Долг кончается там, где начинается невозможное», но я не согласен с ним. Каждый человек должен хорошо и честно исполнять свое предназначение в условиях даже невозможных. Нам предстоит схватка с белым генералом Пепеляевым, и мы обязаны выполнить свой долг во всей его полноте. Был такой герой Гамлет, он обладал повышенным сознанием долга, но не имел воли для его исполнения. Кто слышал про Гамлета?

Бойцы 3-й роты вздыхали, покашливали.

— Не беда, что не слышали про Гамлета, у вас были веские основания не знать принца Датского, но революция скоро устранил их. Вернемся из похода, сядем за парты, тогда-то явится и нам Гамлет. Так вот, если Гамлет — сознание долга при отсутствии воли, то у нас избыток ее. Это мы — обмороженные, полураздетые — рвали голыми руками заграждения на сопке Июнь-Корань, бежали со штыками на укрепления Спасска. — Комиссар встряхнул пепельными рассыпающимися волосами. — Вот что хотелось сказать мне перед вечером воспоминаний.

После комиссара выступили трое красноармейцев, сбивчиво, торопливо рассказывали они истории из своей богатой приключениями военной жизни. Всем не терпелось послушать Степана Вострецова. Комиссар предоставил ему слово.

Бойцы 3-й роты повернулись к начальнику экспедиции, он привлекал внимание даже внешним обликом. Высокий, жилистый, с неизменной трубкой в зубах (за что прозвали его Командиром Трубкой), с кобурой маузера на боку, властным, немного картавящим голосом, командир производил сильное впечатление. У этого кузнеца из башкирских степей был невозмутимый характер, недюжинная сила (левой

рукой он действовал ловчее, чем правой). При внешней своей нелюдимости был он добрым и отзывчивым на страдание и боль человеком.

— Меня просят рассказать, за что получил три георгиевских креста. Для начала скажу, царские генералы попусту своим солдатам наград не раскидывали. Самый же первый георгиевский крест мною получен за дело под Ригой, а в деле участвовал один я. В шестнадцатом году мы на этом берегу Западной Двины в грязи по уши сидели, немцы-то на том — небо коптили. Между нами только и было — островок на реке да камыши вокруг него. С острова все хозяйство у немцев высматривалось, я возьми и скажи про это штабс-капитану. Он у меня спросил: «Кто может на остров пробраться?» — «Я, ваше благородие». — «А лодки-то нет». — «Я вплавь, ваше благородие».

А на дворе мокрый снег, а вода в реке — душа замирает. Поплыл ночью, над головой гимнастерку со штанами держал, добрался до камышей. Островок горбом из воды выпирает, с этого горба только и можно немецкие укрепления рассматривать. Всю ночь бегал по острову — душу грел, на рассвете с бугра наблюдения повел. Все как на ладошке — тут пулеметные гнезда, там орудия. Гляжу, подсчитываю, запоминаю. Вдруг немецкий офицер биноклем по острову зыркнул, выглядел меня, черт зеленый, сразу же в лодку, солдаты за ним. Я кубарем в камыши, а лодка уже близко. Офицер что-то приказывает солдатам, я по-немецки ни слова, а тут, когда дело до пули доходит, понял: приказал офицер камыши осмотреть. И тут я вспомнил, как в детстве на речке с камышинкой во рту под водой сидел. Соскользнул в воду, притаился, дышу через камышовую дудку, а сердце колотится. Обыскали немцы камыши и отчалили. Я к своим возвратился. Правда, с воспали-

нием легких, месяц в лазарете провалялся, туда мне и принесли крест Георгия...

— Георгий-то у тебя самый честный! — раздались одобрительные возгласы.

— Геройство не в силе, а в сердце, — изрек Пшеничный.

— У вас необыкновенная биография, Степан Сергееч. Расскажите о себе, о своих боевых походах.

— У меня обыкновенная биография, только время необыкновенное. Вот в чем вся суть, — возразил Вострецов. — Отблески времени падают на всех, придавая нашим делам особую значительность. Человек должен украшать землю, а не палить ее, не травить газами, не поливать свинцом. Завтра-послезавтра мы ликвидируем гнезда белых банд и снова поднимем красный флаг на Охотском побережье. Снова в таежном крае начнут работать Советы, станут охранять северо-восточные границы России ее сыновья, может быть, вы — молодые люди новых времен. О себе я только скажу, что в Бирском уезде Уфимской губернии есть село Казанцево. Там я родился. Отец мой был сельским писарем и жалованье получал без малого четыре рубля в месяц, а ртов в семье было детских десять, да взрослых два. На девятом году стал бегать в приходскую школу. Потом уехал в Челябинск, а через три года попал в Омск. В Омске свел знакомство с бывшим студентом, высланным в Омск под надзор полиции. Он и там продолжал революционную работу. На квартире у него была нелегальная литература, и я с жадностью стал читать новые, незнакомые дотоле книжки, в которых говорилось о деспотизме царя и правах народа. Спустя пять лет командир стрелкового полка (я отбывал воинскую повинность) отдал меня под суд за агитацию против существующего строя. Военно-окружной суд приговорил к трем годам заключения, империалистиче-

скую войну я проделал полностью, три ранения и три георгиевских креста получил...

Последнюю фразу Вострецов произнес просто, но за ней скрывалась героическая атака на Пулеметную горку.

Степан Вострецов считался смелым и ловким разведчиком 54-го Сибирского стрелкового полка, и ему поручили подготовить ночной прорыв укрепленной полосы противника. А для этого было необходимо прорезать в колючей проволоке лазы, снять часовых, закинуть гранатами пулеметные гнезда немцев. В помощь Вострецову командир полка выделил пять гранатометчиков.

В зимнюю ночь, сдерживая дыхание, передвигаясь толчками, полз впереди всех Степан Вострецов. Из темноты, слабо освещенные снегом, выступали деревянные «козлы» с мотками проволоки, над ними шарил белесый луч прожектора...

Русская атака была до отчаяния храброй, но безрассудной.

Четвертый батальон по приказу своего командира бросился на Пулеметную горку со штыками наперевес, впереди всех опять бежал прапорщик Вострецов. Немцы открыли пулеметный огонь, и у крутого, изрезанного окопами, затянутого в проволоку загражденный бугра poleg почти весь 4-й батальон 54-го Сибирского стрелкового полка.

— Царскую войну проделал я полностью и получил в награду три ранения и три георгиевских креста,— повторил Вострецов.

— У вас и за гражданскую войну три награды, товарищ командир,— сказал комиссар Пшеничный.

— Я дрался с Колчаком на Восточном фронте, совершил польский поход. За бои на тех фронтах наградили двумя орденами боевого Красного Знамени, третий — за взятие Спасска.

— Рассказали бы о белополяках,— не унимался Пшеничный.

Вострецов нахмурился, свел к переносице брови.

— Часто рассказываешь правду, а люди думают: хвастун. Или еще хуже: самохвал. Но вы народ бывалый, сами попадали в разные передраги, так что поверите. Расскажу об одном эпизоде в дни польского похода. Как-то я отправился в деревушку Тартак для переговоров с командиром кавалерийского полка. Неожиданно белополяки окружили деревню и я оказался отрезанным от своих. С трудом прорвался к полку, уже начавшему сражение. Белополяки были отброшены. Вот за Тартак я и получил орден...

Степан Вострецов не хотел и не мог рассказывать бойцам 3-й роты о своем бесстрашии и смелости, о том, как он не берет себя в самые опасные мгновения, он жаждал одной безусловной победы — и побеждал! Перехитрить противника, заманить его в ловушку, разгромить с минимальными потерями было своего рода боевым почерком Вострецова.

В кают-компанию вошел капитан Миловзоров.

— Началась подвижка льда. Возможно, в полночь двинемся вперед. Ожидается устойчивая, с норд-остом, погода,— радостно объявил он.

— Вечер воспоминаний придется отложить до лучших дней,— сказал комиссар Пшеничный.

В последнюю ночь мая «Ставрополь» и «Индигирка» вырвались из плена и, осторожно лавируя между ледяными полями, вышли на чистую воду. На мачтах зашумели андреевские флаги, на случай, если экспедицию преждевременно заметят пепеляевцы. До Охотска оставалось меньше трехсот миль, капитан Миловзоров рассчитывал через три дня быть у побережья.

Ранним утром Пшеничный заглянул в каюту Вострецова и застал его за работой: Степан писал при-

каз о высадке десанта. Скосившись на комиссара, он хмуро заговорил:

— Вот последний приказ. Может, добавишь что? — И, напирая на «р», прочитал глухим голосом: — «На нас возложена задача — очищение Охотско-Аянского района. Эту задачу мы должны выполнить с честью... Мы высадимся на берег в расстоянии от города Охотска до 15 верст. Ночью пройдем это расстояние, а на рассвете окружим город и без всяких жертв выловим спящих бандитов. Категорически запрещаю расстреливать не сопротивляющихся бандитов. Напоминаю вам, дорогие товарищи, отступления и поддержки быть не может. Охотск должен быть наш. Я буду следовать впереди главных сил...»

— Мне нечего добавить к вашему приказу. Как говорит пословица, сила птицы — в крыльях, слава солдата — в победе, — ответил Пшеничный.

В дверь каюты постучали. Пшеничный открыл, на пороге стоял радист.

— Перехвачена радиограмма из Охотска. Может быть, она адресована нам.

— О чем в ней речь?

— Кто-то сообщает кому-то, что в банде капитана Яныгина, расположившейся на реке Кухтуе, неподалеку от Охотска, четыреста человек. В отряде Пепеляева, что в Аяне, триста добровольцев. Охотский отряд генерала Ракитина насчитывает около ста двадцати солдат. В поселке Ола убит начальник штаба колчаковской банды полковник Авдюшев, — доложил радист.

— Важные сведения! — воскликнул Вострецов. — Кому бы они ни были адресованы, они прежде всего необходимы нам. В Охотске работают наши люди, и я благодарен неизвестным помощникам.

— Генерал Ракитин узнал, что в Охотск идут красные суда. Генерал вызвал к себе, грозит расстрелом, подозревая меня в шпионаже,— говорил Польшгалов корабельному мастеру Бозову.

Стоял славный денек тридцатого мая, в окнах синело очистившееся ото льда море, громко перекликались, шли на север гусиные косяки. Василий Бозов стоял у стола, скрестив на груди руки, обхватив ладонями локти; на его узком нервном лице поигрывали солнечные зайчики.

— Что же ты ответил Ракитину? — спросил он.

— Сказал, что к нам идут японцы...

— И генерал поверил?

— Так они же на самом деле идут! Японский миноносец радирует, что покинет Хакодате четвертого июня. Об этом Ракитину тоже известно.

— Черт возьми, дней через восемь японцы будут здесь! А где же наши? Почему они молчат? Тунгусы-зверобои на своих лодочках далеко уплывают, но в море пусто.

— Возможно, наши опасаются обнаружить себя. Давеча Ракитин говорил капитану Энгельгардту, чтобы тот проверил исправность морского катера. Он собирается в Аян к Пепеляеву. Кстати, в каком состоянии катер?

— В отличном! Мотор работает словно зверь.

— Если генералы соединятся, наше положение станет из рук вон скверным,— сказал Польшгалов.

— На этом катере я их отправлю к чертовой матери! — сострил Бозов.

Корабельный мастер сочувствовал коммунистам, даже собирался вступить в партию, но большевики то приходили на побережье, то исчезали в тайге.

— Хочешь прокатиться по морю? Первый весенний рейс — одно удовольствие,— предложил Бозов.

Катер — последнее слово американской судострои-

тельной техники — был легок в управлении, стремителен на ходу. Бозов и Полыгалов с упоением неслись по взморью, ветер свистел от ходкого лета с волны на волну, зеленые шатровые купола церкви с позолоченными крестами взлетали над берегом, как творческий дух России в непрестанном ее стремлении вперед. Эти купола чудились Бозову могучими парусами землепроходцев.

Пестрый мир разворачивался крутыми обрывами, таежными дубрами, галечными косами, бухтами, заливчиками — на тысячи верст царствовало безлюдье и безмолвие.

Приподнятое романтическое настроение испытывал Василий Бозов; все стало прекрасным для него: и сизые тени скал, и морская с прозеленью вода, и пляшущие белые полосы света. Бозову чудилось: свет проникает в глубину его сознания, вывечивает мысли, и он словно переступил границы своего тела — все зыбко, неуловимо, неопределенно, переполнено счастьем. В таком состоянии он вдруг увидел далекую родную Вятку, кипящие в берегах зеленые ветры, сокола-тетеревятника, скользящего над лесом. Праздничный свет придавал его видениям броские, свежие краски. «Идеи, борьба, любовь зависят от силы света, как жизнь и счастье, ибо жить — значит творить, а сотворяют только радость и счастье», — думал Василий Бозов.

Показался мыс Марикан, похожий на огромный тяжелый утюг, там жил приятель Бозова зверолов Элляй Сивков. Катер с шорохом врезался в морской песок. Из-за скал неторопливой походкой, улыбаясь, шел Элляй.

— Ой, как сильно хорошо, что заглянули к Элляю! Сапсем слепой стал, слышу морем кто-то идет, а кто, не вижу...

— Новости бар, Элляй? — спросил Бозов.

— Бар, бар, но сильно дурной. Вчера приходил худой люди от начальника Ракитина, чисто-начисто забрал и соболя, и белку, и последнего олешку.

— Вор силен до рассвета, волк — до капкана. А как на море, Элляй? Пароходы не появлялись?

— Сапсем пусто на море. Если японец придет, узнаю, а если нюча? Как отличу красного нючу от белого?

— У наших нючей на шапке красные звезды. Они не обижают бедных охотников, потому ты и стереги море. Если придут наши, расскажи им о худых людях генерала Ракитина. Не забудешь?

— Погасшее пепелище имеет угли, старый человек — заветную память.

Бозов возвращался в Охотск все в том же радужном настроении, не испытывая ни щемящей тревоги, ни предчувствий, что иногда возникают в человеке, как таинственные токи. Польшгалов задумчиво сидел на корме и, едва катер ткнулся в галечную косу, заметил капитана Энгельгардта.

— Вас ждет гене'ал. Соб'ался в Аян, а вас нет и нет. Идите живее к нему,—приказал Энгельгардт.

— Сейчас, сейчас, а ты, Польшгалов, ступай на радиостанцию, мне больше не нужны помощники,—упавшим голосом ответил Бозов.

Энгельгардт с Польшгаловым ушли, Бозов открыл кожух и заколдовал над мотором: знал, что никто, кроме него, не разбирается в хитрых премудростях машины.

На суровом Севере живут прекрасные, но строгие люди. Василий Бозов был из числа их. Сознание долга он ставил выше жизни. Если же Бозов принимал, пусть и необдуманное, решение, то оно овладевало им полностью.

Не успел Бозов прикрыть за собой дверь, генерал Ракитин накинулся на него с бранью.

— Где шляешься, скотина? Собирайся, едем в Аян...

— Мотор на катере сломался.

— Даю час на починку.

— Я не почию его и в неделю...

— Что, что? — задохнулся от ярости Ракитин. — Повтори, что ты сказал?

— С удовольствием! Ты, кровавый волк, очутился в капкане. Крепок капканчик — не вырваться, скоро с тебя снимут шкуру.

Ракитин отступил на шаг, пошарил по кобуре, выдрал из нее наган и разрядил его в Бозова. В кабинет вбежал Энгельгардт.

— Уберите! И выясните, что с катером, — приказал Ракитин.

Он стоял у окна, с особой остротой чувствуя всю безнадежность своего положения. «Когда же мы — дворяне русские — перестали понимать народ? Почему с такой сокрушительной быстротой большевики завладели сердцами простых людей? По нынешнему времени каждое событие становится на пользу большевикам. Даже сама история обвиняет нас во всем и не тешит больше надежда, что хороший большевик — мертвый большевик...»

Вернулся Энгельгардт. Доложил:

— Посудина начисто сокушена. Погибли самые необходимые части мото'а...

Ракитин посмотрел на капитана отсутствующим взором, потом начал писать приказ:

«Считая необходимым установление связи с командующим Сибирской добровольческой дружиной генерал-лейтенантом Пепеляевым в наикратчайший срок, я был вынужден использовать катер. При ремонте катера машина привелась в полную негодность.

Получив сведения об участии в этих злых делах мастера, я вызвал Бозова к себе для объяснения. Бозов начал наносить мне, генералу русской армии, оскорбления.

Дабы пресечь подобные поступки, я вынужден был убить на месте Бозова, что я и сделал двумя выстрелами из револьвера...»

Ракитин отшвырнул написанное и, уже не глядя на Энгельгардта, сказал:

— Ухожу на охоту. В случае надобности ищите меня на берегах Кухтуя.

Южный ветер принес долгожданное тепло.

С окрестных сопок хлынули потоки, Кухтуй вышел из берегов, над Севером засветились белые ночи. Прозрачные, невесомые завесы повисли над мутными потоками, голыми лиственницами и странно томили, и звали в морские дали. Но перед восходом солнца с моря напоззали туманы, обволакивая все окрестности.

Вечером четвертого июня «Ставрополь» и «Инди-гирка» бросили якоря у мыса Марикан.

Семьсот красноармейцев во главе с Вострецовым сошли на пустынный берег, никто не знал кратчайшего пути в Охотск. Из затруднительного положения Вострецова вывел Элляй; охотник, как и подобает лесному человеку, вырос словно из-под земли.

Элляй рассказал, что в Охотске стоит небольшой отряд генерала Ракитина, а главные силы Пепеляева находятся в Аяне. Банда капитана Яныгина за рекой Кухтуй.

— Они ждут японской шхуны, но не знают, что приехали красные нючи. Я поведу вас самой короткой тропой по береговому припаю, до Охотска четыре кеса. На рассвете падет туман, и белые нас не заметят. Спать крепко станут,— сказал Элляй.

Вострецов, узнав, что ранним утром падет туман, обрадовался. Расстояние в двадцать восемь верст надо было пройти за короткую июньскую ночь: красноармейцы оставили шинели, вещевые мешки, лишние патроны. Вострецов приказал каждому взять только по пятнадцати патронов к винтовке и, не теряя времени, двинулся в путь.

Элляй показывал безопасные броды через весенние потоки, вел по горным «прижимам» — береговым скалам, под ними билось и ревело море. Невесомая ночь сгущалась, краски гасли, с моря поползли полосы испарений. Под ногами бойцов хлюпала раскисшая земля, из моховых пластов вздыбливались фонтанчики грязи, ледяные тарыны рассыпались со звоном, если ступали по ним.

Об этом ночном походе писал впоследствии сам Вострецов: к пяти часам утра 150 сибиряков — командиры и политработники — ворвались в Охотск. Остальные отстали по дороге. Отправив главные силы для захвата белых офицеров, я с Деминым побежал в штаб генерала Ракитина. В первой комнате дремал дежурный офицер, Демин обезоружил его. Я вбежал в другую комнату, там на столе горит лампа, на постели лежит человек.

— Попался, ваше превосходительство! — кричу я и хватаю спящего за руку, чтобы связать его. Не тут-то было. Спящий проснулся, напряг мускулы, барахтается, завязалась борьба. Я чувствую, как он начинает душить меня.

— Демин! — кричу я. — На помощь!

Демин тут как тут. Вдвоем мы связали противника.

— С добрым утром, генерал Ракитин. — говорю я.

— Какой я к че'ту гене'ал! Я капитан Энгельга'дт, а гене'ал на охоте...

Штаб мгновенно наполнился красноармейцами и

местными жителями. Молодой человек в болотных сапогах и оленьей малице пробился к Вострецову.

— Я — Иван Польшгалов, радист, большевик. В подполье ракитинского штаба много золота и пушнины, конфискованных у тунгусских и якутских охотников. Сам Ракитин охотится в верховьях Кухтуя, могу провести к нему, — волнуясь и радуясь, говорил Польшгалов.

— Нельзя медлить ни минуты, пока еще не все офицеры разоружены. Пишите приказ о капитуляции, — приказал Вострецов капитану Энгельгардту.

Опомнившись от неожиданности, офицеры открыли беспорядочную стрельбу, заговорил их спрятанный на колокольне пулемет. Были убиты заместитель Вострецова Сергей Кузнецов, командир взвода Гурков. Вострецов побежал на помощь, его появление воодушевило бойцов, они закидали окна казармы гранатами. Офицеры подняли белый флаг.

Когда вставшее из моря солнце разогнало туман, жители Охотска встретили своих освободителей на церковной площади. Много видела эта площадь: видела и участников Великой Северной экспедиции, и мореходов Шелехова, и матросов Биллингса, но впервые за много лет происходил на ней народный митинг. Охотчане избрали свой революционный комитет, его председателем стал командир вострецовских разведчиков Евгений Нагорнов.

На поиски генерала Ракитина Вострецов отправил красноармейцев под командой комиссара Шевченко. Начавшийся морской прилив быстро понес кунгас вверх по Кухтую. Через несколько часов комиссар добрался до торговой фактории «Резиденция», но генерала в ней не оказалось.

Шевченко бросился обыскивать окрестности, красноармейцы задержали человека с ружьем, прятавшегося в прибрежных кустах.

— Кто ты такой? — спросил Шевченко.

— Денщик своего барина.

— Бар мы четыре года назад скинули. Говори яснее, кто?

— Денщик его превосходительства генерала Ракитина. Он на острове гусей подстерегает.

Шевченко немедленно переправился на островок. Ракитина не было и там. Комиссар перешел на правый берег Кухтуя и заметил притаившегося за лиственницей генерала. Ракитин целился в него из браунинга, но не стрелял.

— Бросьте шутить, генерал! — крикнул Шевченко.

Ракитин выступил из-за лиственницы, приподнимая браунинг. Шевченко решительно направился к генералу, но тот выстрелил себе в грудь и упал. Шевченко склонился над упавшим; потускневшие глаза генерала глянули в его молодое, румяное лицо.

— Я хочу... Мне надо... Позовите комиссара, — с усилием проронил Ракитин.

— Я комиссар...

Генерал закрыл глаза, и лицо его приобрело тяжесть камня.

С охотским гарнизоном пепеляевцев было покончено. Седьмого июня Вострецов передал во Владивосток немногословную радиограмму:

«Экспедиционный отряд, захватив расположение бандитов и отрезав возможные пути отступления, после двухчасовой перестрелки принудил их к сдаче. В городе взято 75 пленных, убито 8, ранено 20, захвачена канцелярия Ракитина, вооружение, золото, пушнина».

Но Степан Вострецов и комиссар Петр Пшеничный понимали, что Пепеляев в Аяне скоро узнает об их появлении. Надо было спешить, чтобы предупредить действия Пепеляева.

— Буря и натиск — вот наш девиз! — изрек любивший красивые фразы Пшеничный.

Незаметно подойти на пароходах к Аяну было нельзя, придется высадиться в укромной бухте, в ста верстах от Аяна, и через сопки пройти к поселку. Вострецов стал готовиться к походу, но девятого июня получил радиogramмы из Владивостока и Читы.

Командарм Уборевич и комкор Фельдман приказывали вернуть «Ставрополь» во Владивосток, а в Аян идти на одной «Индибирке». Вострецов отправил «Ставрополь» с пленными пепеляевцами, ранеными и больными красноармейцами.

Одиннадцатого июня, распрощавшись, «Индибирка» пошла в Аян, а «Ставрополь» взял курс на Владивосток. Через сутки «Индибирка» бросила якорь в пустынной Алдомской бухте.

Вострецов послал на берег разведчиков, они привели перепуганного аянского попа. Несмотря на распутицу, священник объезжал свой таежный приход, собирая мзду чернобурыми лисами.

От священника Вострецов узнал, что Пепеляев разделил свою дружину: четыре роты и кавалерийский эскадрон стоят в Аяне, остальные — в поселке Уйка, в восьми верстах от Аяна. Пепеляев не ведает о приходе красного корабля в Алдомскую бухту, не слышал он и об охотских событиях.

Бывают на Севере хватающие за душу ночи.

Это белые ночи июня. Тот, кто не жил на Севере, тот не поймет их таинственного очарования. Сияют и переливаются морская пена, старые пни, голые скалы, прошлогодняя алая брусника по склонам сопки. Свет брызжет из мутных речушек, горных водопадов, из тарынов, из вязкого, тающего снега долин. Свет июньских белых ночей живет в сердце, освеща-

ет мысли, трепещет в каждой песчинке, в каждой красноватой шишечке лиственницы.

В такую ночь путь в Аян показался Степану Вострецову легким — шагай себе по тридцать верст в сутки! Подобную же уверенность в легкости марша испытывали и комиссар Пшеничный, и бойцы. На их шуточные расспросы старый Элляй ответил нехотя и сердито:

— Не торопись, нюча, однако. Суетливая белка на стрелу натывается.

Элляй повел экспедиционный отряд волчьей тропой — единственной, что петляла по рыхлому снегу. Моховые болота сменились распадками, переполненными водой, голые обрывы — непроходимыми зарослями стланника, пришлось прорубать путь в их путанице. Бойцы промокли сразу же, кое-кто натер мозоли и, прихрамывая, отставал.

Белая ночь как-то незаметно погасла: пошел дождь, его сменили тяжелые снежные хлопья. Лошади, тащившие пулеметы, то увязали в снегу, то скользили и разбивались на тарынах; к концу второго дня они пали. Пулеметы пришлось нести на руках.

Второй день похода омрачился трагическим происшествием: исчезло двое красноармейцев. Вострецов отправил людей на поиски пропавших, бойцов нашли мертвыми, они сорвались с обрыва.

На третий день Элляй вывел отряд на вершину бесприютного перевала, на востоке расстилалось Охотское море.

— Сколько до Аяна, отец? — спросил Вострецов.

— Кесов семь, однако. Больно худой тропа, сапсем устал я, но вы, как однотравные оленята, легки на копыта...

— В кесе семь верст, семью семь — сорок девять, — подсчитал Вострецов. — Мы должны пройти эти версты за сутки.

Утром шестнадцатого июня Вострецов захватил отряд пепеляевцев подпоручика Рязанского.

— До Аяна десять верст,— сказал подпоручик, и это словно подхлестнуло красноармейцев. Измученные, они приободрились.

Вострецов поднял бойцов на последний бросок. У аянской сопки неожиданно взяли в плен полковника Варгасова.

— На аянской тропе нет ни караулов, ни застав. Мы наблюдаем только за морем, ждем японского корабля. Часовые стоят лишь у склада с боеприпасами, да по ночам бродят патрули. В Уйке — маленьком поселке на берегу моря — особый батальон строит кунгасы, на которых можно уйти в случае опасности в открытое море,— сообщил полковник Варгасов.

В те первоначальные дни июня Степан Вострецов действовал с удивляющей всех энергией и смелостью. Для восстановления Советов он отправил на прииски отряд комиссара Панченко. Комиссар создал на приисках ревкомы, конфисковал у местных воротил и офицеров все награбленное золото.

Группа бойцов комвзвода Кошелева переправилась на другой берег Кухтуя, чтобы покончить с капитаном Яныгиным, но в поселке Булгино его не оказалось. Яныгин увел свою банду в тайгу. О преследовании Яныгина красноречиво рассказал красноармеец Михаил Кочетков: «Несколько раз нащупывали мы яныгинцев, но им удавалось оторваться от погони. Видели их на берегу реки Улакана, а потом и след пропал. Яныгин повернул к морю, надеясь сесть на какую-нибудь шхуну».

Кошелев настиг было Яныгина у озера Ветренного, но тот опять ускользнул и повел своих головорезов в поселок Иня. Там его поджидал Пшеничный.

В последней схватке с бандитом победили красноармейцы, а Яныгин опять бежал на озеро Ветренное.

Матерый волк запутал следы и в глухомани чувствовал себя безопасно. В белые ночи на легкой «ветке» ездил он по озеру, добывая пищу.

В одну из прозрачных ночей Яныгина догнала «ветка» старого Элляя. Винчестер Элляя славился по всему побережью своим безотказным боем. Свершив возмездие, охотник вернулся в Охотск и сказал Вострецову свою любимую поговорку:

— Волк силен до капкана, вор — до рассвета...

После короткого совета было решено, что отряд Пшеничного захватит порт, Вострецов нападет на штаб, офицерские и солдатские палатки.

И опять была белая, полная неясного томления ночь, и совершенно измученный Вострецов не мог уснуть. Он сидел на камне, неподвижный и опечаленный: ему — русскому мужику — не хотелось напрасно проливать русскую кровь. Откуда-то из полумглы вынырнул комиссар Пшеничный.

— Не спится, Степан Сергеич?

— А ты почему бродишь?

— Ночь-то какая светлая, хошь книжку читай, хошь стихи пиши, все видно. Таких ночей на Волге не бывает,— вздохнул комиссар.

— А знаешь что? — оживился Вострецов.— Давай-ка напишем ультиматум Пепеляеву.

Вострецов — Пепеляеву

«И всякое ваше сопротивление с оружием в руках будет раздавлено мною как мыльный пузырь... И пролитая кровь будет на вашей совести, а не на моей, так как настоящее письмо я пишу от всего сердца...»

— Это ты хорошо сказал — пишу от всего сердца. Почему все-таки от добра и зла людей отделяет один-единственный удар сердца? — спросил комиссар.

Ультиматум, написанный Вострецовым в белую ночь, передать не удалось. Перед рассветом пал туман, бойцы Вострецова беглым шагом спустились с сопки, окружили штаб Пепеляева и солдатские палатки. В дом, где спали офицеры, ворвался с гранатой в руке красноармеец Скрыпник, а другой — Панченко — обезоружил командира роты. Сам Вострецов долго стучал в дверь генеральской комнаты.

— Кто там? — спросил из-за двери сонный голос.

— Я командир красного отряда...

За дверью сухо покашляли, но не ответили. Вострецов приказал полковнику Варгасову:

— Вразумите генерала. Скажите ему, что сопротивление бесполезно.

Варгасов басовито крикнул:

— Охотск занят красными. Советую сдать, брат генерал...

После минутного молчания дверь растворилась, Вострецов переступил порог большой комнаты, заставленной кроватями. Офицеры торопливо обувались, натягивали мундиры. Высокий, грузный, с черной окладистой бородой мужчина стоял у стены, заложив за спину руки.

— Кто генерал Пепеляев? — спросил Вострецов.

— Здравствуйте. Это я.

— Надо поговорить с вами наедине.

— Прощу! — Пепеляев приоткрыл дверь в другую комнату.

— Генерал! Вы знаете, что сопротивление невозможно. Пишите приказ о полной сдаче ваших дружинников, — сказал Вострецов.

Об этом напряженнейшем моменте своей военной экспедиции Вострецов после писал очень скромно:

«Он выполняет мое требование и тут же пишет приказ о сдаче. Через час обезоруженный отряд белогвардейцев, окруженный красноармейцами, вы-

строился перед штабом своего генерала. Под руку с Пепеляевым я вышел к ним.

— Братья,— сказал Пепеляев,— я решил сдаться командиру красной дивизии. Прошу вас разделить мою участь...»

*Вострецов — Вольскому*¹

«После стоверстного перехода по тундре к порту Аян в 22 часа семнадцатого июня взят в плен отряд во главе с генералом Пепеляевым. Пленных офицеров 103, солдат 230, наши потери — один раненый».

Пройдет немного времени, и появится приказ о награждении четвертым орденом Красного Знамени бывшего помощника командира 2-й Приамурской дивизии Вострецова Степана Сергеевича «за блестящее выполнение в июне 1923 года в невероятно трудных и опасных условиях Охотско-Аянской экспедиции, закончившейся ликвидацией банды Пепеляева и пленением самого Пепеляева, чем было уничтожено последнее гнездо контрреволюции на Дальнем Востоке».

Вострецов оставил в Аяне батальон красноармейцев под командой Подъячева и комиссара Сполохова, им было поручено выловить всех пепеляевцев, сбежавших в тайгу. Почти все они были пойманы или сдались добровольно, страшась гибели в пустынной тайге. Лишь полковник Андерс бежал на лодке, и след его затерялся в волнах Охотского моря.

Двадцать четвертого июня «Индибирка» подняла якорь, чтобы взять курс на Владивосток. Но прежде чем проститься с Аяном, Вострецов долго стоял на берегу бухты, вслушиваясь в гул морского прибоя.

Охотское море шумело призывно и властно, словно хотело рассказать о своих бесчисленных тайнах.

¹ М. П. Вольский — командующий войсками Охотско-Камчатского края.

Оглавление

Глава первая	3
Глава вторая	69

Алдан-Семенов Андрей Игнатьевич
ПОХОД ЗА ПОСЛЕДНИМ «ТИГРОМ»

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *В. В. Новосельский*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *О. М. Семенова*
Ответственный корректор *Н. М. Дебабова*

Сдано в набор 20 декабря 1974 г. Подписано в печать 11 марта 1975 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 4,90. Учетно-изд. л. 4,65. Тираж 200 тыс. экз. А11207. Заказ № 4121. Цена 16 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.